

Евгений
Андрей

КРАСНИЦКИЙ
ПОСНЯКОВ

СОТНИК

Половецкий след

Отрок

Андрей Посняков

Сотник. Половецкий след

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Сотник. Половецкий след / А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2023 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-154809-4

1129 год. Турово-Пинское княжество. Все никак не заканчиваются мрачные времена, сгущаются тучи над Ратным – только в одном феврале месяце происходит сразу несколько смертей... Вроде бы несчастные случаи... но если копнуть глубже? И, как назло, погибают именно те, кто так или иначе полезен и лично сотнику Михаилу Лисовину, и воинскому селу Ратному. К тому же в селе объявляется весьма подозрительный волхв... Враги и завистники интригуют везде, даже в самых верхах; и вот уже Младшая стража во главе с сотником Михайлой обязана присоединиться к походу киевского князя Мстислава на половцев: отомстить за набеги, за помощь политическим конкурентам, ну и пограбить половецкие города и вежи. Битвы, погони, засады, предательства, гибель друзей... И так до конца и не знаешь, кто друг, а кто враг. Именно там, в бескрайних степях Дешт-и-Кыпчак, тянется за сотником кровавый половецкий след, след беды и ненависти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154809-4

© Посняков А. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Красницкий, Андрей Посняков

Сотник. Половецкий след

© Евгений Красницкий, 2023

© Андрей Посняков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Оформление обложки Владимира Гуркова

* * *

Часть первая Верные люди

Глава 1

Погорынье. Февраль 1129 года

Хороший выдался нынче денек – солнечный, радостный! Ясное солнце сияло среди голубого неба, чуть тронутого легкой прозрачной дымкой. От вспыхнувших золотом берез, что росли на пригорке, тянулись по белому снегу длинные синие тени, а наезженная лыжня сверкала так, что глазам смотреть больно!

Дюжина парней вышла из ворот, прошла гуськом вдоль высокого тына. Все на широких лыжах, подбитых беличьим мехом, в полушубках – кто в волчьем, кто в овчине, а кое-кто – и в куньем, какой и любой боярин не побрезговал бы надеть. Да что там боярин – сам князь!..

Идущий впереди группы парень – судя по всему, старший – как раз в таком полушубке и был. Оглянулся, махнул рукой видневшемуся в надвратной башенке стражнику да, прибавив ходу, стремглав взлетел на залитый зимним солнцем холм. Сняв меховую шапку, посмотрел на своих, поцокал языком – отстали!

Красив юноша, весь из себя – чернобров, черноок и, к слову сказать, до женского полу жаден. Златомир, в крещении Евтихий, вел свой десяток на охоту. А чем еще заняться молодым воинам Младшей стражи в погожий воскресный день? Ну да, их сотник Михайла выразился бы новым складом: тренироваться, мол, учиться воинскому делу настоящим образом. Да еще б и прибавил любимую свою с недавних пор прибаутку – тяжело в ученье, легко в бою.

Так-то оно так... Однако и дичь на столе у воина лишней не будет! Тем более что до поста-то еще далеко, да и не соблюдали в Михайловском городке посты слишком уж строго. Хотя и назван тот городок – малая крепостица возле большого села Ратного – во имя погибшего священника, отца Михаила.

– Быстрей, быстрей! – сплюнув, подогнал своих Златомир. – Не отставай, Глузде!

Так-то парни хоть куда, правда, юны гораздо – ну на то и Младшая стража, отроцы, или, как бы сказал господин сотник – «первого года службы». Ну, а Златомир-Евтихий хоть и едва старше, да все ж воин опытный, умелый. Да и охота-то задумана непростая, а всяким оружием – и простым арбалетом, и арбалетом с прицелом, что делает в своих мастерских друг Михайлы-сотника Тимоха Кузнечик. Да еще и луки специальные – с них тоже нужно было учиться бить. Ратное дело такое: когда самострел хорош, а когда и лук. Самострелом почти что любой пользоваться может, управляться же с луком надобно учиться сызмальства. Тем не менее уроки лучного боя их сотник тоже включил в учение, в «программу», как он это называл, а еще обзывал «курсом молодого бойца». Все правильно, против толпы иногда не меткость нужна, а быстрота да скорострельность, и тут лучше доброго лука ничего нет! Так считал Златомир. Вот и учились. Как заметил Михайла – как половцы стрелять не будут, но представление и навык иметь должны.

– Быстрей, быстрей, отроцы! Та-ак... Внимание! Становись...

Все команды и звания в Младшей страже были придуманы сотником и для чужого уха звучали непривычно. Впрочем, чужих ушей нигде поблизости нет... Хотя как знать, как знать? Вон, в распадке шевельнулась молодая елка, будто кто-то лапу отвел. Упал мягко снег – а ветра-то не было! Вон и сороки-белобоки вдруг ни с того ни с сего поднялись, вспорхнули с рябины, закружили, застрекотали возмущенно. Зверь какой-то спугнул? Может, и зверь...

Однако ни до каких сорок десятнику Златомиру покуда дела не было.

– Станови-ись... Р-равняйсь! Смирн-н-на-а! – звонко командовал шустрый парнишка с выбивающимися из-под шапки огненно-рыжими вихрами. Отроки проворно исполняли – выпячивали грудь, вскидывали разом подбородки...

– Равнение н-на... середину... – отрок сверкнул глазами. – Разрешите доложить, господин десятник?

– Докладывай, – пряча довольную улыбку, отрывисто кивнул Златомир. Эх, видела бы его в этот момент красна девица Стефания! Или девица Ксения. Иль Сияна... или...

– Третий десяток младшего извода первого года обучения для охоты построен! Доложил – урядник Велимудр.

– Вольно, урядник.

– Вз-во-од... вольно! Оправиться... Унот Глузд! – заметив неправильность, тут же прищурился рыжий. – По команде оправиться писать на березу не надо!

Оглянувшись на незадачливого отрока, еще не успевшего rassупонить штаны, все дружно расхохотались.

– Да я это... – смутился тот. – Сразу-то не успел, пока собирался...

– Надо же, не успел он... – хмыкнув, десятник покачал головой. – Ладно, начал – так делай, а то напрудишь еще тут в штаны... Мы подождем.

– Господин десятник... Да я это... Я расхотел уже... – отрок как-то суетливо сорвал с головы шапку, потом надел... Снова снял. Соломенные волосы его смешно топорщились во все стороны, уши покраснели...

– Итак... – глянув на ратников, важно протянул Златомир. – Задача наша нынче не только дичь, но и совреше... собреже... Урядник Велимудр, как там?

– Совершенствование навыков стрельбы, господин десятник!

Рыжий Велимудр, или просто Велька, на миг опустил глаза. Да уж, невеликого ума десятник Златомир, не великого... Зато – исполнительен, упрям, а самое главное – верен. Значит,

правильно его боярич Михайла в командиры поставил. Да что сказать, десятнику-то особый ум без надобности, главное – рука тяжелая и твердый характер, а этого уж у Златомира не отнять. Как сказал – так и будет!

– На первый-второй... рассчитайсь!

– Первый... Второй... Первый... – разлетелись звонкие голоса над опушкой... Если и пряталась где-то дичь – так вся уже разбежалась!

Велимудр про себя хмыкнул: ничего, дичь в других местах искать будем. Ах, как славно сегодня, славно! Морозец небольшой, ясно солнышко... и лыжи так легко скользят. Вот бы по пути на реке девицу Звениславу встретить! Ах, Звенислава-Звеня... Стройная, сероглазая и косы цвета спелой ржи. Третьего дня подарил Велька зазнобушке своей ленты – красивые, голубенькие. Ежели вpletет дева ленты сии в косы – значит, принимает ухаживания, значит, он, Велимудр, считается уже почти как жених... Ну, не жених, конечно, а так – ухажер... Так и это бы славно! Звенислава уже заневестилась, не этой осенью замуж отдадут, так следующей – точно. Дед Коряга, Звенькиного рода большак, тот еще черт, выгоды своей не упустит, уж такой выкуп за невесту запросит – ого-го! А приданого почти не даст. Ну да на что дескать приданое-то? Сама Звеня была... Эх, не отдаст ее дед Коряга. Хотя, если сам Михайла-боярич в сваты... Как, вон, вдовица Брючислава – тоже еще та! – отдала же Гориславу-Горьку за варяга Рогволда. В чужедальнюю сторону – в Ладогу! Сам господин сотник сватом был, вот и не осмелилась вдовица перечить. И дед Коряга не осмелится! Чур меня, чур... Ой... Чего это сороки-то так раскричались? Не садятся, вокруг ельника молодого низенько летают. А не кабаны ли там прячутся? Или – лиса? Лиса – тоже хорошо, подарить бы Звениславе на шапку.

– Первые номер – самострелы, вторые – луки... – между тем распорядился десятник. – Потом меняемся... Все понятно?

– Так точно, господин десятник! – хором откликнулись отроки.

От такого ора сороки совсем уже очумели и улетели прочь, к реке...

Туда же направился и рыжий урядник Велимудр, а с ним еще четверо юных воинов. Их оружием нынче был арбалет. Правда, без прицела, обычный...

Почему к реке пошли? Ну-у... почему... Велька никого и не спрашивал, сам туда зашагал, только снежная пыль из-под лыж полетела.

По всему берегу густо росли осины, ивы, ольха с красноталом... Редколесье, однако зайцы там водились в избытке, а где зайцы – там и куница, там и лиса. Повезет, так можно и куниц запромыслить – хороший мех, дорогой.

А дичь-то пришлось еще поискать! Едва свернули с лыжни в заросли – выскочил прямо из-под лыж заяц, поскакал, петляя, к реке... Понеслись вслед ему короткие арбалетные стрелы – болты, да так в снегу и сгнули.

– Отыскать! – помня наказ сотника, тут же приказал Велька. Отправил отроков, покусал губы – ладно эти-то тюхи промазали, но ведь он и сам! Урядник называется, ага. Видел бы Михайло Фролыч! Ужо бы поиздевался. Да еще зачет бы сдавать заставил. По стрельбе из самострела. Да все не просто так, а поученому – теория, практика... Практику-то рыжий бы вмиг, а вот теория... Кое-что и подзабыл уже.

– Ну что там? Нашли стрелы?

– Нашли, Вель... господин урядник! Все, кроме одной...

– И кто ж такой несчастливый?

Да поди тут узнай. Стрелы все одинаковы, в одной мастерской делали, как объяснял Кузнецик – «на конвейере» и «по стандарту». Да уж, несмотря на юный возраст, Тимка много таких мудреных слов знал. И с Михайлой-сотником они дружили. Крепко.

Первым все же запромыслили зайца. Повезло Малу, неразговорчивому парню с вечно недовольным лицом. Затем еще гонялись за лисой, но упустили, зато всадили несколько стрел в куницу, удалось-таки! А потом еще взяли на стрелу здорового глухаря!

– Ой, братцы! – пуще всех радовался-суетился Глузд. – Это ж на целый котел, на похлебку!

– Лучше в глине потушить! С кореньями. Знаете как вкусно?

– А похлебки зато больше получится!

– А в глине – вкуснее!

– А в похлебке...

– Цыц! – хмыкнув, Велимудр прекратил ненужный спор и глянул на солнце. До полудня оставалось уже совсем немного – как тень от обрыва ляжет точненько поперек реки, тогда и поддень – менять самострелы на луки, а из лука-то еще попробуй кого подстрели!

– А Глузд по сове промазал! – сдал сотоварища угрюмый Мал. – Он стрелял, я видел. Стрела вверх ушла.

– Значит – дернул! – рыжий важно сдвинул брови, дословно припомнив, что в таком случае говорил сотник. – При выстреле плавненько надо крючок тянуть, плавненько, а не дергать.

– Да я ж и не дергал, клянусь! – размашисто перекрестился Глузд.

Кто-то из ребят тут же осадил:

– Не крестись всуе!

Велька же прищурился:

– Не дернул – значит, вверх слишком ложе задрал. Неверно рассчитал расстояние. Ну, сколько шагов до той совы было?

– Шагов с полсотни...

– Врет! Двадцать пять – вряд ли больше.

– Ну, значит, точно – задрал. Так! – оборвав спор, рыжий поднял вверх указательный палец и внушительно так сказал: – Теперь – каждому свое задание. Как говорит наш сотник, инди... инди... винди... альное! Ты... – урядник показал рукой: – Вон тот ельник. Ты, Рябой, рядом, за оврачком... Глузд – в орешнике, и ты, Мал, в распадке. Задача – взять на стрелу любую дичь. Хоть сороку! Времени у вас очень мало. Живенько – туда-обратно – по моему свисту. Ясно?

– Да ясно...

– Не слышу!

– Так точно, господин урядник!

– Да! Там и Златомир-десятник будет вас проверять... Не знаю только, где точно. Что ж... Да пошлют вам удачу Иисус Христос... Велес, Перун и все древние боги.

Выразившись таким образом, Велька проводил разбежавшихся по сторонам лыжников рассеянным взглядом и, передернув плечом, вытащил из-за пазухи плетеную баклажку с квасом. Попить. Не снег же жевать, коли квасок имеется! Добрый квасок, бодрящий... даже хмельной...

Сделав пару глотков, отрок убрал баклажку и довольно потер руки. А ведь не такой уж и плохой он командир! Вон как его все слушаются. Интересно, у дружка Ермила так получилось бы? Да вряд ли! Нет, Ермил – парень хороший, к тому ж и земляк... Почти что последние они и остались от вымершей от мора Нинеиной веси... Славный воин Ермиле и добрый друг... Вот только в десятники не рвется, ему в библиотеке уютнее, с книгами...

Так... А не пора ли уже и свистеть? Интересно, заpromыслили парни кого-нибудь?

Рыжий сунул два пальца в рот... Да так и застыл, услышав донесшиеся из орешника крики. Что такое? Случилось что? И кому там вообще кричать?

Но ведь кричали! И вот уже кто-то показался на лыжне... Мал! Бежал. Размахивал руками, кричал... по-простому, без всякого почтения...

– Вель! Велька! Там это... это... убили!

– Как это? Кто кого убил? Ну, говори же!

– Унот Глузд, – отдышавшись, сообщил отрок. – Златомира-десятника. Стрелю!

- Стрелюю?!
- Да прямо в глаз!

Десятник Златомир лежал на небольшой полянке в орешнике, упав спиной в сугроб. В левой глазнице его торчала арбалетная стрела, красивое мертвое лицо было залито кровью...

– Я думал... думал, лиса... Хвост мелькнул – я и выстрелил... Слышу – крик! Выскочил, а тут...

Бледный как смерть Глузд суетливо взмахнул рукою.

– Так ты что же, не видел, куда стрелял?

– Говорю ж... в лису целил... Там хвост мелькнул... Ну, в зарослях... Я и не думал, что...

– Понятно, что не думал...

– Десятник нас недалеко оставил, а сам – проверять, – пояснил один из «лучников». – Нам за собой ходить не велел. Ну, он же всегда так делал.

– В том-то и дело, что всегда.

Неожиданно пошел снег, повалил крупными хлопьями, хотя и солнышко никуда не скрылось, пока и его не поглотила напавшая грозная серая туча.

Осмотрели все вокруг – ничего подозрительного не обнаружили. И никого. Лыжных следов, правда, было во множестве... Так это ясно почему.

Что ж, поохотились... потренировались...

Сплюнув в снег, Велимудр взял командование на себя и велел собираться.

* * *

– Что значит – не видел? Не видел, куда бил? А куда целился-то?

Дознание вел сам сотник – Михаил Фролыч Лисовин, боярич и внук воеводы Ратного, Корнея Агеича Лисовина. Высокий и сильный, с небольшими усиками и бородкою, сотник выглядел куда старше своих неполных восемнадцати. Что ж, жизнь побила парня: жесткий недоверчивый взгляд, упрямый подбородок, ухмылка. Зеленые, как у матушки, боярыни Анны Павловны, глаза сейчас пылали гневом. Еще бы... Это ж надо же так!

– Эх! – Мишка пристукнул по столу костяшками пальцев, набитыми постоянными упражнениями. – И угораздило же...

Вот именно что угораздило! Типичный несчастный случай. Тем более – на охоте, бывает... И сухая палка, словно ружье, стреляет!

И он, сотник, должен был сейчас принять решение. Что делать с этим вот... с Глуздом...

Нелегкое решение в восемнадцать лет... Впрочем, восемнадцать – это самому вот телу, в которое когда-то переселился... Правда, лучше сказать – был создан симбиоз... Слияние средневекового отрока из села Ратного и вполне себе состоявшегося мужчины, управленца из высших слоев, бывшего депутата Госдумы (и много кого еще) Михаила Андреевича Ратникова! Именно он из города Санкт-Петербурга был перемещен силой науки в тело юного славянского парня! И перемещение прошло успешно. Симбиоз удался. Поначалу это как-то напрягало (не только других, но и самого Михаила) – уж слишком мудро рассуждал и действовал двенадцати – тринадцатилетний пацан, ну, а теперь, когда восемнадцать, а по виду и все двадцать пять – уже не так напрягает, чего ж...

Уже с самого первого момента появилась у Михайлы привычка к внутренним монологам или, вернее, диалогам с язвительным Михаилом Андреевичем, иронично обращающимся к отроку как «сэр Майкл». Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича, и тот на некоторое время как бы отстранялся, но когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься многоводной рекою, захватывая сознание безраздельно.

Кроме самого Миши, таким вот «перемещенным» в Ратном еще был Тимка, Тимофей Кузнечик, а еще – сгинувший (скорее всего, вернувшийся обратно в свое тело и время) боярин Журавль, а также отец Тимки Дамир (может быть) и сын Журавля Юрий, в прошлом году зверски убитый предателями. Так и не съездили они к нему с Кузнечиком Тимофеем! А ведь собирались.

– Так... – еще раз выслушав путаный рассказ Глузда, Миша задумчиво почесал бородку. – Раз убил ты, случайно или нет – неважно... То, по закону русскому, обязан заплатить родичам убитого виру. Очень даже значительную!

Парнишка, побледнев, несмело моргнул:

– А сколько!..

– Да нисколько! – хрястнул по столу сотник. Так хрястнул, что подпрыгнули и тяжелый серебряный подсвечник, и кувшин с квасом, и расписанные под хохлому деревянные кубки... – У тебя таких денег нет. Да и у меня – тоже. Думать надо, что со всеми вами делать. Вот что... Тебя пока – под арест, в поруб.

– Но...

– Я понимаю, что никуда ты не побежишь, однако... – Михайла, точно так же, как и подражавший ему Велька, наставительно поднял вверх указательный палец, украшенный затейливым серебряным перстнем. – Однако же родичи убитого должны твердо знать: обидчик – вот он, в прямом доступе, бегать искать не надо. Понятно излагаю?

– Да, господине, – шмыгнув носом, вытянулся в струнку Глузд. – Так мне в холодную? В поруб?

– Нет. В тепле посидишь... – Сотник подошел к окну и усмехнулся, глядя на ожидавшего во дворе Вельку и прочих отроков.

«Свидетели... Однако. Осиротел теперь десяток. Кого же десятником? Рыжего? Да нет – маловат. Лучшие Вячеслава, Вячко... Он года на два постарше... а то и на три – кто тут эти года-лета считал? Кто дни рождения детей помнил? Если ты не князь... Ну, родители знали, конечно...»

Потом забывалось, никто счет не вел. Да оно и незачем. Выросли у девки сиськи – пора замуж выдавать, пробились у парня усы – вот уже и воин. Все просто».

После Глузда Михайла внимательно выслушал Вельку и остальных отроков. Выслушал, отпустил и принялся думать.

С недавних пор сотник вершил дела у себя в замке, в Михайловом городке, устроенном по его личному плану – красиво, удобно, величественно. Мишины планы воплотил в жизнь старшина плотницкой артели Кондратий Епифанович, по прозвищу Сучок, мастер от Бога, а помогал ему родной племянник – Питирим (в просторечии – Пимка, или просто – Швырок). Под их мудрым руководством артельщики-плотники и выстроили все сооружения в Михайловом городке, на выселках, в воинском лагере Младшей стражи. Собственно, так выселки и прозвали, еще в те, не столь уж и далекие времена, когда парень не был сотником, однако уже имел невиданный для подростка авторитет. Однако же с Мишиной подачи считалось, что «сей малый городок назван в честь тезоименитства духовного пастыря нашего иеромонаха Михаила, в успении вошедшего в сонм праведников, стоящих пред Горним Престолом».

«Хоромы» вышли ничуть не хуже боярских, а может, даже и княжеских. Строили хорошо, с размахом, чтобы можно было совет созвать, пир устроить, да еще было бы, где писарей посадить, и казну держать, и приказы объявлять с высокого резного крыльца, где сразу видно, кто из отроков-гридей к бояричу ближе, а кто дальше. Когда сотник – ровно какой князь! – по торжественным случаям на крыльце восседает, то отроки на ступенях стоят – ближние повыше, остальные пониже.

В сенях – как еще было не очень принято – устроили большие окна, не только для света, но и для воздуха, иначе на пиру так надышат, что в волоковые окошки этакий дух не пролезет! На ночь и в непогоду окна закрывали ставнями.

В сенях же располагалась «прихожая», а следом – горница, рабочее место для всяких «бюрократных дел», с коими Михайла управлялся не один, а с целым «взводом» писцов во главе со старшим – Ильей, дальним своим родственником.

Вот и сейчас все кругом блестело чистотой и казенным комфортом: выскобленный до белизны пол, покрытый четырехугольным светло-серым войлоком с красными узорами. Бревна сруба скрывали гладко струганные доски светлого дерева, дощатый потолок был тщательно выбелен, правда, местами прокоптился уже от свечей, однако все равно – в парадных сенях было непривычно светло. Посередине, прямо на войлоке, стоял длинный стол, накрытый белой льняной скатертью, а вокруг стола – двенадцать резных стульев-полукресел из ясеня и граба. На стеллажах виднелась парадная, раскрашенная под хохлому посуда.

На столе, рядом с подсвечником, имелся поднос, тоже раскрашенный весь красными, зелеными, золотыми узорами по черному, на котором стоял кувшин с квасом и лежал небольшой ковшик. Все это придавало помещению яркий, праздничный вид, а отсутствие стоящих вдоль стен лавок и сундуков добавляло простора, чем Миша и сейчас пользовался: любил, когда думал, – ходить... тишину шагами меря!

«Ну, что думаете делать, сэр Майкл? Только не говорите, что немедленно выехать на место происшествия, затеять там осмотр. Вы в окно-то глядели? Снег, снегопад видели? Вот то-то! С утра еще солнышко, а сейчас – хлопья. Что там, в лесу, увидишь? В этом их чертовом орешнике...»

Тем более парни все, как есть, рассказали. Да, судя по всему, именно так оно все и было. Увидел Глузд лису, обрадовался – а парнишка он суетливый, словно с детства ежа проглотил, – и давай – стрелой! Попал... Ворошиловский стрелок, блин. Как теперь родичам убитого выплатить виру? С каких таких ишишей? Надо, конечно, вписываться, не оставлять же своего гридя на произвол судьбы... Да и Златомира жалко! Верный был человек, таких поискать еще. И в Царьграде с ним были, и на болотном капище, и... и во многих других местах, где оказаться – не приведи Господи!»

– Илья!

Сотник выглянул было из горницы в сени, позвать секретаря... Да тут же хлопнул себя по лбу. На дворе-то – зима! А сени не отапливаются, и на зимний период вся канцелярия городка перебралась в соседнюю избу – со слюдяными окнами и печкой! По уму – и Мише бы туда, да... Здесь ему как-то больше глянулось.

Ладно, обойдемся покуда без секретаря, люди мы не гордые...

Выйдя на крыльцо, Михайла увидел проходившего мимо отрока, подозвал...

– А покличь-ко мне полусотника Архипа! Или Демьяна. Кто там есть ближе?

– Полусотник Архип только что посты проверяли! Посейчас, господин сотник, сыщу!

– Ну, вот и славненько.

Миша зябко потер руки. Не то чтоб от сильного холода, просто горницу с утра еще сильно натопили, а здесь, на крыльце, было все же зябко.

Архип тоже был человеком сотника, не раз проверенным и надежным... Да вот он идет уже. Бежит даже!

– Здрав будь, господине! Звал?

Сильный, плечистый, чем-то похожий на своего погибшего друга Премысла, Архип был из тех людей, что по пустякам рот не открывают, даже на пиру – лишнего слова не вытянешь. Молчун! Но умный, приметливый... и на редкость скромный.

– Звал, звал, Архип... Зайди-ка, сбитни выпьем... Что мнешься? Некогда? Дела есть? Так и скажи. Вот что, кто у нас сегодня в восточной стороже стоял? Ну, за рекой? Выясни, не видали ли чужаков?

– Не видали, господин сотник, – тут же отозвался Архип. – Видали бы – доложили бы сразу.

Ну, вот. Что и требовалось доказать. Значит, точно – несчастный случай... Эх, виру-то все равно платить. Да и Златомира жалко. Надо будет с похоронами помочь...

* * *

Вячко-стрелок про гибель Златомира не слышал. На охоте был уже третий день. Ходил по дальним угодьям, ночевал на заимке да радовался нетронутой дикой чаще, добыче и возможности побыть наедине с самим собой. А возможность такая представлялась нечасто, с юных лет парень был в Младшей страже, даже хаживал с сотником Михайлой Фролычем в Царь-град, а потом – и в другие места, так что в одиночестве побыть времени не имелось, все одна суета. Вот и нынче сотник предложил ему стать наставником для первогодков, обучать несмышленишней арбалетному и лучному бою – и тем, и другим Вячеслав (в крещении – Юрий) владел одинаково хорошо. Что ж, видно, придется... Дело непростое, ответственное. Так ведь и уважение какое, почет! Такое дело абы кому не поручат. И вот он, Вячко-стрелок, нынче будет не просто воин, а «наставник Вячеслав»! Совсем другое дело. Это скоро уже... Пока же отпросился Вячеслав на охоту, в самые глухие места. Полусотник Архип отпустил, чего уж – старый сподвижник, можно сказать, друг...

Со стороны многим казалось, что Вячко недалек и себялюбив. Светленький, кареглазый, волосы всегда гребнем расчесаны, на поясе каждый месяц новый кушак... С собой больше других занят, на всех смотрит вполглаза, покровительственно – мол, кто это здесь? Этакий себе на уме шатун! Однако никто и не задумывался: а мог бы такой вот тип вдруг стать хорошим стрелком? Даже не просто хорошим, а отличным! Это ж надо постоянно тренироваться, отречься почти от всего, а еще – сильно любить оружие. Куда больше, чем себя.

Наскоро позавтракав вчерашним запеченным зайцем – вкусен получился, черт! – охотник оглядел распяленные на прутьях беличьи шкурки и довольно крикнул. Однако ж неплохо, да. Еще бы сегодня столько же, да еще б лису или, если повезет, куницу...

Ладно! Тут уж как бог даст... и чтоб не мешали старые боги!

Перекрестившись, Вячко наскоро прочел молитву, после чего попросил помощи у Перуна, Велеса и Макоши... У Велеса – особо, тут же и до Нинеиной веси недалеко – Велесовы места. Сама же бабка Нинея – ведьма, об этом все знали. Говорили, что предки ее из древлянской земли пришли сюда, на дреговичскую землю – дреговичи же от дрягвы, то есть болота... И впрямь – трясина кругом, места непроезжие, разве вот только зимой, да и то – не всякое болото.

Велес – бог всякой скотины, хозяин и покровитель огромных кровожадных зверюг, которым попадись только – одни косточки и останутся! С Велесом осторожно надо, почтительно... Не как некоторые священники, что грозное древнее божество переделали в святого Власия – коровок, мол, пасет...

Передернув плечами, Вячко встал на широкие лыжи и, закинув за спину самострел, заскользил по узенькой лесной тропке, уклоняясь от тяжелых веток, сгибающихся под тяжестью налипшего снега. Спугнув стайку синиц, отрок выбрался на опушку, поднялся на вершину холма, к ольховнику... и замер, увидев свежие следы!

Кто-то совсем недавно проходил на лыжах. Видно – шел от реки к Погорыню, в земли боярина Журавля. Вячко не поленился, наклонился... Ну да – именно туда и шел. От реки, да. А кто? Да кто угодно. Скорее всего, кто-то из тамошних людишек хаживал по делам в

Туров и вот теперь возвращался обратно с попутным обозом, река-то зимой – дорога, причем довольно-таки многолюдная, обозы, сани туда-сюда так и снуют! Ну, так, считай – Киевский тракт, пусть и зимний. Летом же до Киева – только на ладье.

Это хорошо, что вдоль реки посты-сторожи выставлены. Отроки Младшей стражи за речкой следят, присматривают – мало ли кто там окажется? Да и здесь, недалеко – верстах в трех, в чаще, – тоже пост. На границе с «журавлями», там и их пост – лешаки, воины-невидимки. После того, как князь туровский сместил тамошнего гниду-старосту Торопа да поставил на его место Глеба, вроде как и отношения «журавлей» с Ратным стали куда более дружественными, нежели прежде. Однако сторожа все же нужна. На всякий случай. Мало ли. Сегодня там Глеб, а завтра? До Турова далеко, а лихих людишек хватает.

Эвон куда хватил! Щурясь от выглянувшего солнышка, юноша глянул на лыжню, явно забиравшую влево, к ольховнику... прямо к настороженному самострелу! Хороший там самострел, большой – на кабана, на волка... Ну, а человек – так тот бечевку всяко заметит, не дурак ежели. Разве что коли спешит куда да прет, глаза окорячивши, куда попало! Так такой и на простой сук напорется запросто, без всякого самострела.

А похоже, и впрямь напоролся!

Заметив на снегу красные пятна – кровь, охотник прибавил шаг. С неба вдруг начало сыпать, еще немного – и все следы заметет...

Ну да! Вон он, самострел, меж раздвоенной осиной прилажен. Уже разряженный! А куда стрела полетела? Да вот, прямо туда... в неведомого раззяву! Это ж надо так глупо подставиться! Что, бечеву-растяжку не разглядел? О чем только и думал... Или – думала. Может, это – дева... Вячеслав еще раз присмотрелся к лыжне... Ну да! Вон, шаг-то какой – девичий, короткий. И как только сразу не углядел?

Напоролась же на стрелу, дурища! Видно, в ногу попала... и вскользь – иначе б вообще не шла. Знать, просто поранилась – повезло. Вон – видно, хромает. Эх, не дойти тебе, дева, не дойти! Перехватить тебя, да на займку. А там – дать знать «журавлевым», пушай сани шлют.

Интересно, почему девку послали? Так а кого еще? Зима ж. Мужики на охоте, в лесу или дерева на подсеку рубят. А девкам что делать? Лясы точить да прясть. Вот и послали...

Эх, дурища!

Не дойдешь ведь, ослабнешь. Да если еще волки вдруг... Ага... к ельнику свернула... ага... А крови-то – да-а...

Свернув, отрок прибавил шаг – впереди, за деревьями, явно кто-то лежал!

– Эй, эй!

Что шелкнуло... Со свистом вылетела тяжелая злая стрела, впилась в грудь юному охотнику Вячко. Да что там впилась, насквозь пронзила! Вылетела из спины, чавкая и разрывая плоть в кровавые ошметки, уткнулась в старый пенек, задрожала...

А Вячко потом стражники нашли, когда сменились... Уже закованного, мертвого. Да уж, неудачная охота вышла!

* * *

– Что-о?! Еще и Вячко?!

Узнав о гибели еще одного из своих верных людей, Миша долго не мог прийти в себя: мерил шагами горницу и ругался.

Ну как так? Как так-то? Охотник, стрелок от Бога – и так нелепо погиб! На настороженный самострел напоролся. Труп обнаружили отроки из младшей стражи, когда сменились с поста. Нашли, можно сказать, случайно – просто решили поехать вдоль реки, там хорошо на лыжах-то – с горки, славный такой тягун! Дети, чего уж...

Так вот, если б не гибель Вячко, так эти отроки на стрелу бы точно угодили! Кто-нибудь из них.

Собрав полусотников и наставников, Михайла тот же час приказал строго-настрого запретить менять утвержденные пути смены постов. Чтоб как шли, так же и возвращались под угрозой самого строгого дисциплинарного наказания. Изменить маршрут можно было только в случае крайней необходимости. Вот так! А как иначе?

– Прямо напасть какая-то! – в сердцах пожаловался сотник секретарю Илье – сутулому сухопарому парню с длинными, перевязанными узким кожаным ремешком волосами и ухоженной бородкой. – Вчера – Златомир, сегодня – Вячко! Этак я и совсем без людей останусь. Слушай, Илья... Там точно все без подставы? Чей самострел-то?

– Да бог его знает чей, – вздохнув, секретарь перекрестился на висевшую в красном углу икону святого Николая Мир-Ликийского. – Так бывает. Хозяина-то, может, уже и в живых нет, а самострел все стоит – настороженный! Пока тетива не истлеет... или покуда зверь али человек какой... Случаи, господине, нередки!

Миша упрямо набычился:

– И все равно – дознание произвести надо. Архип послал кого?

– Уряднику Ермилу поручил. Как сменится со стражи, так и отправится.

– Ермил? Это – хорошо. Этот дотошный.

Смуглолицый, чернявый Ермил из Нинеиной веси, чем-то похожий на ромея юный книжник и воин, тоже был из числа самых верных людей Михаила. Как и рыжий Велимудр, как полусотник Архип... Как вот погибшие парни – Златомир и Вячко. Как девица Добровая, Войша...

* * *

Добровая с самого детства считалась всеми некрасивой и даже можно сказать – страшненькой! Круглолицая, ребристая и плоская, как доска, этакая мускулистая долговязая дылда, она больше походила на воина – да воином и была, и очень даже неплохим. Вернее сказать, неплохой. На внешность свою Добровая откровенно плюнула, занялась воинским совершенствованием и вспомнила, лишь когда пришла нужда изображать невесту. Там целая история была с изяславльскими и полоцкими князьями да боярами... И вот как раз тогда на помощь Войше пришла Горислава-Горька, супруга варяга Рогволда Ладожанина, старого приятеля Михаила Лисовина. Именно Горька сделала из деревенской замухрышки-оглобли настоящую светскую даму, коей не стыдно было бы показаться и в самом Царьграде-Константинополе.

Понятия о женской красоте даже в двенадцатом веке были везде разными. В северных русских землях уважали варяжский тип – такие, как Войша; южнее же, наоборот, красивыми считались пухленькие, с большой грудью, в Царьграде же ценились утонченные жеманницы-стройняшки с детскими личиками и почти без груди. Везде по-разному. Как говорится, на вкус да цвет товарищей нет!

Вот и из Войши сотворили тогда северную платиновую красотку – блеклые серые волосы высветлили, вымыли ромашкой – уложенные в затейливую прическу, они уже не торчали паклей. Изменили и походку, и говор; эту чертову присказку – «ясен пень» – вот только не удалось убрать до конца, нет-нет да и до сих пор проскальзывала.

Самой Добровое новый образ понравился, но не до фанатизма, вернувшись обратно домой, она причесок не делала, но и косы не заплетала – предпочитала хвостики или просто перевязать волосы ремешком. Волосы, правда, мыла почти каждый день – в горячей воде, с золою и с отваром сушеной ромашки. Красивы стали волосы – платиновые, сверкающий водопад по плечам!

А еще по праздникам Войша надевала варяжские подарки – желто-коричневое плиссированное платьетунику с короткими рукавами и темно-голубой сарафан, с ляжками, застегивающимися затейливыми серебряными фибулами. Еще браслетики были и изящный костяной гребень – новые подарки Ермила. Ах, Ермил, Ермил... все-таки угодил в сети! Впрочем, не только он один... Останавливающиеся в гостевом доме на пристани заморские купцы при виде Войши просто теряли дар речи, гадая, откуда занесло в сей болотный край такую красу? Даже Михайла-боярич называл деву непонятным, но явно одобрительным словом – «фотомодель»... А вот земляки ратнинцы по-прежнему считали ее дурнушкой! Еще бы, в каноны сельской красоты Добровоя явно не вписывалась, а по-другому деревенские мыслить и не умели.

Большак, дед Унятин, на Добровую из-за кос – вернее, их отсутствия – не рычал и заплетать не неволил, знал, что у сотника Михайлы Добровоя-дева в большом уважении ходит, и через уважение это можно многого для семьи да для рода добиться.

Сама по себе нынче была Добровоя, как кошка. В девичью школу к боярыне Анне, Мишиной матушке, не шла, к иным – тем более. Пуще всего девица свободу ценила. Свободу и вящее к себе уважение.

Так что не только из-за красоты Ермил к ней «присох»... По хозяйству же Добровоя хлопотала исправно и всю работу девичью делала: колола во дворе дрова, таскала воду в больших кадках, даже полоскала в проруби белье. Однако же при всем при этом не забывала и в Михайлов городок на тренировки воинские сбегать, и в библиотеке над книжкой посидеть. Не одна – с Ермилом. Давно уж заметила Войша – отрок от нее млел, и оттого возникало в девичьей душе некое горячее томление, отчего хотелось то ли запеть, то ли пойти в пляс, а лучше предаться лихой плотской любви, и потом сразу – в церковь. Упасть на колени пред образами – и молиться, молиться, молиться... Это старые боги плотскую любовь чем-то плохим не считали, по учению же христианскому – грех это все, грех, а помыслы такие – греховны!

В тот самый день, когда сотника Михайлу терзали недобрые подозрения из-за плохих вестей, на двор Унятиных заглянул странник с письмом – да не с какой-нибудь там берестой, а все честь по чести – бумага в свитке! Бумагу здесь же, в Ратном, на мельницах делали и в Туров с выгодой отсылали. В первую голову – ко двору княжескому, но и иным не возбранялось купить, коли средства имелись.

Встал у калитки странник, дождался, когда кто-то из челяди на улицу выглянет, поклонился, шапку сняв:

– Добровоя, девица Унятина, тут ли живаху?

– Войша-то? Тут. А что тебе до нее, божий человек?

– С обозом я, из Турова в Киев и дальше, по святым местам, – оглянувшись, странник перекрестился на видневшуюся невдалеке деревянную церковную маковку. – Так в Турове проездом Рогволд-варяг был и супружница его Горислава...

– Ой, наша ж эта Горислава-то – Горька!

– Так вот, она просила послание сие передать родичам своим в Василькове... Говорит, девица Добровоя их знает.

– Ну, ясен пень, знаю! – выглянув из калитки, деловито пробасила Войша. Хмыкнула да, отодвинув челядинку, протянула руку: – Давай письмо-то.

Что ж, пришлось идти. Да в Васильково-то – по хорошей лыжне – в радость! Вдоль реки, потом перелеском, и сама не заметишь, как уже и пришла, прикатила. Погодка-то хороша – солнечно, морозец легкий – лыжи словно сами несут.

Так Войша и сделала – сунула за пазуху письмо, встала на лыжи да покатила, только ветер в ушах засвистел! Быстро ехала, да, по правде сказать, на лыжах-то мало кто за Добровоей угнался бы.

Мчалась девчонка по наезженной санями дорожке, радовалась хорошему дню и вот этой своей прогулке. Раскраснелась вся, довольная, даже песню запела – до чего ж стало на душе хорошо! Так и песню пела хорошую, радостную:

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со овсом кучерявым,
С ячменем усатым...¹

От ворот Ратного, мимо пристани, мимо гостевого дома, тоже пели – спускались к реке девчонки, несли корзинки с бельем:

Сиди, сиди, Ящер, под ракитовым кустом!
Сиди, сиди, Яша!
Ешь орешки каленые!
Сиди-сиди, Яша!

Непростая была песня, не такая уж и веселая, добрая... Про древнего бога Велеса – Ящера, Яшу, злобного дракона, пожирающего людей.

Пели девчонки да несли к проруби тяжелые корзины с бельем. Вот еще одна из ворот вышла. Тоже с бельем. Хорошая знакомая – маленькая востроносенькая худышка. И как она только тяжесть такую тащит? Корзина-то больше нее!

– Здрава будь, Мира! – Войша вспомнила имя, поздоровалась.

Девушка улыбнулась:

– И ты!

– Небось, своих уже не нагонишь, – остановившись, Добровая сунула руку за пазуху – проверить, не потерялось ли письмо. А то ведь, неровен час, могло и выпасть! Не, на месте... вон оно, вон...

– Да никакие они мне вовсе не свои, не полруки даже, – Мира с видимым удовольствием опустила корзинку в снег. – И поспешать мне некуда – вот еще! И без них приду – меньше народу. А ты куда справилась?

– В Васильково.

– Небось, красиво там посейчас, да. А уж летом – ух! Дух такой кругом медвяный... Одуванчики, васильки...

– А сейчас – снег один. Правда, солнышко. Ладно, пойду...

– Доброго пути, Войша.

Полчаса, час – Войша уже далеко усвистала. Оглянулась на круче – и Ратное, и Михайловский городок – в дымке, едва видать. Пристань, крепость, домики – все такие маленькие, игрушечные.

– По-бер-регись!

Мимо, по санной дороге, подгоняя лошадь, прокатил какой-то дядька в рыжем лисьем треухе и овчине.

– Эй, дядько! До Василькова как ближе?

Возница обернулся – услышал:

– Эвон, к дубраве сверни. Налево.

¹ Цитата по книге Г. С. Беляковой «Славянская мифология». М.: Просвещение, 1995.

– Спаси ты Бог, дядько!

Налево, к дубраве, уже было кем-то хожено – виднелась припорошенная свежим легким снежком лыжня. По ней Добровая и пошла, недолго думая. Теперь уж точно не заплутает! Кто-то ведь шел же!

Мимо орешника, через ракитник, мимо трех высоченных лип, и дальше – резко вправо... И что бы это так резко-то вдруг?

Оп!

Провалился вдруг снег под девчонкой! Разверзлась под ногами темная яма, затянула. Войша и вскрикнуть не успела, как уже упала на самое дно! Темно кругом, страшно и еще чем-то воняет противно.

Девушка быстро пришла в себя, в первую голову себя осмотрела, прислушалась... Руки-ноги целы – уже хорошо, значит, можно жить, значит, ничего – выберемся! А ведь могла бы... Вон колья-то кругом – острые! Еще б немного и... Ух-х! Добровая пнула ближний кол ногой – тот и переломился тут же! Трухлявый. Старая волчья яма, ага! Однако кто ж ее на тропинке-то устроил? Или – не на тропинке... а на звериной тропе. Но... кто же по ней недавно проехал и не провалился? Как так? Ведь она-то, Войша, по чужой лыжне шла. И вот тебе на! Не гадала, не думала... Ладно, что зря тосковать – выбираться нужно.

Девушка поднялась на ноги и осмотрелась. Резкая боль вдруг саданула в бок... Все же задело-таки колом? Да нет, крови вроде не видно. Может, просто ребро сломано... Двигаться больно, да... И правую руку толком не поднять. Плохо. Как теперь выбираться-то? Тем более что колья все кругом старые да гнилые. А до верху-то сажени полторы – не допрыгнешь, не выберешься... Вот ведь угораздило-то!

Сверху, сквозь образовавшуюся дыру, пробивался свет оставшегося где-то в недостижимой вышине неба. Превозмогая усилившуюся боль, девушка вытащила все колья, выбрала наиболее подходящие. Сняв с ног обмотки, связала – получился длинный такой шест. Проткнув слой старых веток и снега, Войша прислонила шест к краю ямы. Поплевала на руки... полезла... Ах, больно-то как... Ну, еще чуть-чуть, еще... еще... Вот и солнышко! И...

С треском переломился шест, и бесстрашная девушка ухнула вниз, едва не сломав ноги... Хорошо еще, жива осталась. Сиди теперь, кукуй! Или пой песни, авось да услышит кто. Только вот кому в это чертово Васильково нынче надо? Да и от дороги вдалеке... Кто же все-таки здесь прошел-то, а?

* * *

Осматривать место происшествия Ермил отправился сразу после полудня. Пока сменился со стражи, пока получил приказ... После всех недобрых известий на душе как-то мерзко стало, тревожно. Златомир, Вячко... Старые друзья-соратники... и вот так, погибли. Невзначай, по-глупому... Можно сказать – у себя дома. Эх, жизнь! Как сказал Тимофей Кузнечик – «жиза»!

Поначалу отрок хотел взять на конюшне лошадь, но пока шел, раздумал – на лыжах-то выходило куда быстрее, напрямки. Сначала по васильковской дороге, потом к реке свернуть – там, по пути, и будут Вячкины охотничьи угодья, там же рядом и пост.

Взяв с собой котомку с нехитрой снедью, отрок встал на лыжи и живенько заскользил по санному тракту. Туда – час, да столько же обратно, да час-полтора – там. До темноты вполне можно успеть. Если не оставаться в казарме на обед. Вот Ермил и не остался, прихватил, что было, с собой.

Хорошо продвигался парень, быстро – лыжи скользили ходко, несли с ветерком. Вот уже и ольховник показался, поворотка у трех высоких лип. Еще версты две и... Где вот только повернуть лучше? Сразу за липами? Или дальше к Василькову проехать?

Прикидывая, отрок остановился недалеко от лип, поглядывая на чью-то недавнюю, уже припорошенную снегом лыжню, что пересекала опушку... Наверное, лучше все же ближе к Василькову повернуть.

Подумал так и тут вдруг услышал песню. Где-то за ольховником, что ли, пели... Девка! И голос такой... грубоватый. Но девичий, да...

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со милостью!

Ишь, как поет. Коряво, но старается! Этак с надрывом, будто от песни той жизнь и смерть зависит...

Со рожью зернистою,
Со овсом кучерявым,
С ячменем усатым...

Песню эту Войша напевать любила. Когда не слышит никто. Вернее, это она думала, что не слышат. Кому надо – слышали. Тот же Ермил. Вот и сейчас насторожился парень! И песня знакомая... и голос... кажись... знаком!

Приди к нам, весна-а-а...

Господи! Так не «кажись», а знаком – точно! Это ж Добровая, Войша! Ну да – она и поет. Интересно, что тут и делает-то? А пойди да глянуть! Вдруг и впрямь – Воя! Парой бы слов перекинулись, уговорились бы о встрече...

Со рожью зернистою,
Со овсом кучерявым,
С ячменем...
Она – не она?
А ну-ка!

Навострив лыжи с дороги, Ермил погнал быстро, как мог... И едва не угодил в разверзшуюся прямо на пути яму!

Со рожью зернистою,
Со овсом...

Что такое? Да, похоже, в этой вот яме и пели! Чудны дела твои, Господи!

– Со овсом кучерявым, с ячменем усатым! – подбравшись к самому краю, подпел Ермил. Внизу резко умолкли.

– Эй! – отрок свесился над самым провалом, позвал.

– Есть там кто?

– Ну ясен-пень, есть, – глухо донеслось в ответ. – Давай уже, помогай. Хватит орать-то!

* * *

Нерадостный, отправился Михайла проверять караулы. Так-то и полусотники проверяли, и наставники иногда, но вот захотел сам. Просто проехаться, развеяться, да, по возможности, отвлечься от мрачных своих мыслей.

Набросив поверх полушубка подбитый куницей плащ, сотник вскочил в седло, да, выехав со двора, поворотил на реку, на зимний тракт. Реки в то время – дороги: и зимой, пока лед не подтает, и летом – до самого ледостава почти. Зимушка-зима – время для поездок хорошее, можно и по делам торговым, и просто так, в город – на ярмарку либо на праздник какой скататься, знакомых навестить, родню.

В город... Обозы со свечками да стрелами арбалетными посланы еще третьего дня, скоро уж и вернуться должны с прибытком. Еще рыбу мороженую посылали – осетра да сома. Рыбу в Турове брали хорошо, осетры-то там повывелись – больно народу загребущего много!

Еще ножи в городе продавали, сговорились с купцом Никифором, Мишиным дядькой, родным братцем Анны Павловны, матушки. Братец-то, конечно, братец, да держи ухо востро, потому как купец, а у торгового люда во первую голову завсегда одно – прибыль. Правда, тут договорились взаимовыгодно, в выборе товара Никифору уступив. Тимка Кузнечик хотел было на продажу хорошие ножи ковать, с наваренным лезвием – на сталь еще железные «щечки». Железо со временем стачивалось, нож от того вострел сам собою. Удобно, да дорого! Не понравилась Никифору цена – две куны, не многие за такую цену ножик возьмут. Давайте-ка что попроще шлите – проще, побольше, подешевле. Обычные – дешевые – ножики хорошо пошли. Да и делать их недолго, тем более – в мастерских, устроенных по типу мануфактуры – с «конвейером» и разделением труда. Кто железо тянул, кто клинок ковал, кто вострил, совсем иные рукоятки вырезали, а все вместе собирали – опять же другие. Так куда быстрее выходило. А чем больше товара – тем выше прибыль. Кроме ножей, еще браслетки стеклянные хорошо шли, сырье для них закупили по осени на ярмарке в Турове, у болгарских купцов с великой Итиль-реки. Тоже вот, казалось бы, дешевка, а как берут! Ну так каждая девушка хочет быть красивой, но не каждой достанется золото да серебро. Богатых людей мало, бедных – много, на этом и бизнес, так сказать – массового спроса товар.

Спустившись на ледовый тракт, сотник оглянулся, невольно залюбовавшись Ратным. В те времена селенья так ставили, чтоб с реки глянулись, ибо реки – дороги. Несмотря на все трудности, похорошело в последнее время Ратное, во многом – Мишиными стараниями, тут уж что и говорить.

Раньше-то почти все избы в Ратном топились по-черному. Многие – несмотря на сырую болотистую местность – еще строили по старинке, закапывались в землю этакими полуземлянками, даже и доски на пол не стелили, оставляли так. Входя в такое жилище, приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться на три-четыре ступеньки вниз, словно в погреб. Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, вытягивая с очага дым, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались дощечкой. Так и назывались – волоковые.

А вот в последнее время в Ратном много чего появилось, в том числе и роскошные, по здешним меркам, дома – с резными крылечками, с сенями, на высоком подклете, в коих хранились нужные для хозяйства вещи.

Выстроили в Ратном и шикарную пристань с гостевым домом, торговыми рядками и прочей инфраструктурой. От села к главному – грузовому – причалу шла вымощенная булыжниками дорога, вдоль которой как раз и располагались рядки вместе с амбарами. Гостиницу же – постоянный двор – на самом берегу поставили в складчину местные богатеи. Роскошный двухэтажный домина, корчма, где варили пиво, медовуху и бражку не только по праздникам,

но и во все иные дни, периодически – чтоб было. Тем более что разлитый по запечатанным глиняным кувшинчикам (местное производство) хмельной товар в сезон расходился быстро, как горячие пирожки. Так же влет уходили «пивные» плетеные баклажки – из лыка и липы. Собственно говоря, сезонов было два – зимний и летний, в иное время, когда только становился лед или, наоборот, в ледоход – никаких проезжих путей не имелось практически повсеместно. В свое время римляне до этих мест не дошли и дорог не построили.

Когда-то Михайла задумал было своими силами вымостить-починить зимник (чтоб был и летником) в сторону Нинеиной веси и дальше, на выселки, да воевода дед Корней на пару со старостой Аристархом вовремя отговорили юного сотника от этой дорогостоящей и пропащей затеи. И правильно отговорили: при почти полном господстве натурального хозяйства дороги как-то не очень-то и нужны были. Строго говоря, и в летний-то сезон прибыль от продажи алкоголя, пирогов, свечек и прочего исходила лишь от торговых караванов, ладей, идущих по пути «из варяг в греки» и обратно. Караваны, конечно, в сезон появлялись периодически, но не слишком-то и часто. Соседям же здесь, в Погорынье, ни пиво-бражка, ни пирожки были как-то не очень нужны – сами пекливарили. Правда, в голодное время меняли пирожки на свежую рыбу, кою ратнинцы нынче брали из милости: мол, рыбы-то мы можем и сами наловить, а вот вы где до конца лета-осени муку возьмете?

Прокатившийся по всем русской земле страшный голод последних трех лет ратницы пережили куда лучше соседей, всегда были с хлебом. Потому как применяли трехполье, сажали озимые... Все как советовал Михаил Лисовин. А ведь поначалу-то как артачились, особенно скот ради навоза разводить! Ничего, постепенно привыкали... Правда, далеко не все. Да и не все тут смердами-земледельцами были, большинство – воины, да не простые, а как бы сказали в Европе – рыцеры, шевалье, дворяне! Ведь село Ратное носило такое название не зря.

Около ста лет назад, повелением князя Ярослава, прозванного за морем варягами Яри-слейбом Скупым, а позднейшими историками – Мудрым, сюда, на границу бывших древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями. С тех пор по первому призыву князя киевского, а позже туровского, все, способные носить оружие, жители Ратного нацепляли на себя кольчуги с шеломами и садились в седла. Село было богато и многолюдно, так как по жалованной княжеской грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой. Да и землю эту никто не мерил, как, впрочем, лесные, рыбные, бортные и прочие угодья, которыми пользовались жители Ратного. Пользовались по праву сильного, поскольку отвоевали эти угодья с оружием в руках у местных, поощряемых на сопротивление языческими волхвами.

Эх, Златомир, Вячко... Проверив посты, Михаил все же не смог отвлечься от мрачных мыслей. Да и как отвлечешься-то? Коли самые верные да надежные люди вот так вот, глупо, погибли – не в сече, не от вражьей стрелы, не от лихоманки даже, а дома – от какого-то нелепого случая! Так бывает, да... Никто своей судьбы наверняка не знает, или, как говаривал варяг Рогволд Ладожанин, «никто не избегнет норн приговора». Норны у варягов – слепые девы, плетущие нити человеческих судеб. Где-то сплетут, а где-то и оборвут ниточку... Вот и у Златомира оборвалась, у Вячко...

Уже подъезжая к Ратному, сотник вдруг увидел скопление народа у проруби, у «стиральных» мостков. Бабы обычно там полоскали белье, ну и чесали языками, чего уж – женсовет, по-другому не скажешь. Рядом была устроена наледь, горку для детишек залили еще на Рождество – кати себе на ледянке с кручи к реке, так, что дух захватывает! Не только детишки катались, а и кто постарше не брезговали, отнюдь! Обнимутся парень с девчонкой – и покатили.

Да что там такое-то? Зачем собрались, с чего гудят все, словно рассерженный улей?

Недоброе предчувствие кольнуло Мише в сердце острой холодной иглою! Слишком много нынче смертей... Неужто продолжилась эта черная полоса, череда мрака?

Продолжилась, да и не кончалась...

Михайла и до проруби-то доехать не успел... Рассказали! Наставница Матрена подхватила под уздцы коня...

– Беда, господине!

– Да что случилось-то?

Что – сотник уже представлял примерно...

– Дева младая... С корзиной, с бельем, шла... На ледянке поскользнулась – да прямо в прорубь! Там ведь стирали – лед... Видно, с ледянки-то поднялась, да и не удержалась.

– А что, золой-то не судьба посыпать? – отпустив поводья, раздраженно бросил сотник. – Самим-то не догадаться, нет? Все чужого приказа ждете – моего, Корней Агеича, Аристарха?

– Так посыпали, господине... Не так и давно. А полоскали-то сегодня с утра – многие. Вот и подмерзло.

– Подмерзло... – сотник недовольно поджал губы. – Так чья дева-то?

– Добромира, Гостяты Куровлева внучка... В крещении Ириной нарекли... Хорошая, добрая дева. Да ты ее знаешь, господин. Из тех, из «шустрых» твоих...

– Что?!

Сотник закусил губу.

«Шустрыми» он сам прозвал трех бойких, острых на язык девчонок, трех подружек-хохотушек – Ладиславу, Добромиру и Любаву, коих и выбрал в качестве «информационного оружия», а потом – и в «газету». Сделав ставку на юных девиц, Лисовин преследовал несколько целей. Во-первых, на них было легче влиять. Сотника они просто боготворили, всегда – ну, почти всегда – слушали с благоговением и все поручения исполняли в точности... или уж как могли, но со всем старанием. Во-вторых, они и сами имели куда большее влияние на молодежь, нежели, скажем, жена старосты и прочий пожилой «женсовет»! А молодежь – это будущее, кто же от будущего откажется?

Симпатичные подобрались девчонки: славные, энергичные, умные – не откажешь.

Добромира... Мира... Ирина... маленькая такая худышка, выглядевшая куда младше своих пятнадцати лет. У нее даже и грудь еще не выросла, не оформилась: волосы остричь – мальчик мальчиком.

Несли уже Добромиру. Достали. Вытащили... Жаль, поздно! Захлебнулась уже девушка, замерзла – белая вся лежала. Ледышка...

Люди кругом шептались, шушукались. Разъясняли, что тут случилось да как. В прорубь девицу затянуло – не выбралась. На голове, прямо на лбу – ссадина, видать, упала... Да, здесь можно упасть... Падают... чаще, правда, затылком... Кровь на руках – под ногтями – пыталась выбраться, да скользко, вот течением под лед и утянуло...

– Как достали-то?

– К вымолу прибило, вынесло... Там лед тонок – пробрили...

– Отпевать в часовенке будут...

Отпевать... Юную веселую деву, которой жить бы да радоваться, деток рожать!

Господи-и-и! Ну зачем так все? Зачем?

К вечеру грянула оттепель. Задул, забуранил верховой ветер. Затянули все небо низкие серые тучи, исходившие мокрым снегом, а затем и дождем – настоящим ледяным ливнем!

Глядя в окно, Михайла поежился, поплотнее запахнул старый домашний плащ. В горнице-то и в мороз куда веселей было, нынче же ветер все тепло выдул, да еще и дождь, сырость. Промозгло все, мокро... бр-р!

Самолечно подкинул в печку дров, пошевелил кочергой угли.

Хлестнул, ударил в слюдяное оконце мощный дождевой заряд, едва переплет свинцовый не вышиб! Что и говорить – буря! Редко зимой такое бывает, но вот – случилось же. В такую погоду часовых только пожалеть! Впрочем, те экипированы правильно.

Миша еще почитал на ночь, правда, недолго – свечи берег. Привык уже подчиняться местному распорядку, с рассветом вставать, с темнотою ложиться. Правда, так получалось не очень. Все время оставались какие-то неотложные дела.

Наутро, едва проснулся, в дверь кто-то застучал, забарабанил...

– Дапусти ты, говорю, ирод! Дело важное!

Судя по говору – Илья, секретарь и «главный редактор» газеты... Да-да, появилась уже в Ратном и газета, и типография – все с помощью Тимофея.

Энергию для пресса (как и для станков в мастерских) брали с помощью верхнебойного колеса, опережая течение местной истории лет на триста.

– Да пропусти, говорю!

– Не велено! – Часовой – первогодок из Младшей стражи – устав внутренней службы знал назубок.

– Пропусти, – быстро одевшись, Михайла вышел в горницу и распахнул дверь. – Илья? Только не говори, что опять что-то худое случилось!

– Случилось, господине... – сверкнув темными очами, секретарь перекрестился на икону святого Николая. – Крышу в библиотеке сорвало! Протекло!

– Ч-черт! – сотник выругался. – Что, всю крышу?

– Да, слава богу, часть... Немного там.

– Так по осени ж ремонтировали, не дранкою – тесом крыли!

– Видать, плохо крыли. Плашки-то и сорвало. Ветродуй-то – ого! Книжицы залило.

Виновато разведя руками, секретарь соорудил такое лицо, будто это он и был единственным виновником произошедшего. Хотя, за библиотеку ведь он отвечал, так что...

– Что за книжицы?

– Колумелла, Тит Ливий... Арифметика – наша, две штуки... И Августин Блаженный еще.

– Августин... Вот же угораздило!

Подмочить Блаженного Августина – это было серьезно. Колумелла и Тит Ливий были собственностью всей общины Ратного, два экземпляра «Арифметики» ратнинцы вообще отпечатали сами, в своей же типографии, а вот сочинение Святого Августина «О граде земном и о граде Божием» Миша совсем недавно выпросил у боярина Аникея для переписки, точнее – перепечатывания. Стоила книжица очень и очень дорого, примерно как средней руки коровье стадо! Что ж, придется теперь платить...

Да что ж это такое творится-то? Все несчастья в одну куча собрались! Час от часу не легче. То одно, то другое, то третье. Да черт-то с ним, с Августином – людей вот жалко! Парней, Добромиру-Ирину...

Всех похоронили через три дня. Простились, отпели в церкви. Все как полагается, все как у людей... Только вот от этого ничуть не лучше! И ладно бы от вражьей стрелы, ножа, копья... да хоть от яда! Однако же все прозаичнее – несчастный случай. И от этого обидно вдвойне, втройне даже.

Несчастный случай... А случай ли? Может, все же враги? Может, все же подстроено? Тут поневоле подозрительным станешь, учитывая враждебное окружение. Хватало кругом врагом, а завистников – еще больше!

Сколько летом вредили? Сколько труда стоило вывести всех вражин на чистую воду? Ну, вывели, разоблачили... И что?

Ну, направил туровский князь Вячеслав Владимирович разыскную комиссию в Погорынье, во главе с боярином Аникеем и разыскником Ставрогиным. Хорошо хоть, Тороп – та еще гнида! – слетел с поста старосты «журавлей», а вот по поводу пинских и чарторыйских бояр сотнику было сказано – не лезть. Тем более – происки князя Юрия. Даже соглядатая его, Брячиславу-вдову, сказано было покуда не трогать. Что поделать – большая политика! Прикажет князь – полезешь, а нет... Всяк сверчок знай свой шесток.

В том, что со всех сторон еще «прилетит», Михаил Лисовин нисколько не сомневался... Так, может, вот оно – прилетело?

«Ох, сэр Майкл, сэр Майкл... Не слишком ли вы стали подозрительны? Видеть в несчастных случаях чью-то злую руку? Скорей, это уж просто лютое невезенье, судьба».

* * *

На следующий день в Ратное заявили гости. Соседи из земель Журавля – молодая вдова Костомара со свитой. В отличие от всех прочих женщин в то время (даже княгинь!), вдова – полноправный член общества. Никому не принадлежит – ни семье, ни мужу – сама по себе. Имеет право и сделки имущественные заключать, и землицей владеть, и людишками – холопами да челядью. После страшного мора и гибели старших в роду мужиков Костомара сама стала главою рода, причем не особо-то и захудалого. С десяток снаряженных ратников выставить могли на раз – и боярин Журавль, и бывший староста Тороп, и покойный дядько Медведь с Костомарой предпочитали по пустякам не ссориться.

Вдовица приехала не просто так, а за умными книжками да за советом – как обустроить трехполье да что где по весне лучше садить. Чтоб по агрокультуре все! По умным книгам...

Хотя книги книгами, а передовой опыт Ратного перенять надо непосредственно – умная вдовушка это очень хорошо понимала. Так и наглядно ж все видно – соседи. В землях Журавля – впрочем, и не только там – после трех неурожайных лет с голоду пухнут, а в Ратном... ну не то чтоб жируют, но все же, все же! Такой опыт и перенять не грех, и спросить, коли что непонятно.

Вообще-то, Костомара собиралась приехать на проводы зимы. На игрища, на тризны и поминания предков, с блинами, брагой и всем таким прочим. Этот праздник еще не называли Масленицей, но отмечали на широкую ногу, правда, пока что еще больше не по-христиански, а как язычники. Со всем культом плодородия, плясками, ритуальными совокуплениями и прочим! Провожали Морену, славили солнечного Ярилу и Велеса. Почему-то Велес тоже считался главным весенним божеством.

Влиятельную вдовицу встречали столь же влиятельные люди, без всякого преувеличения, определявшие всю жизнь и политику Ратного – воевода Корней Агеич, староста Аристарх Семеныч, боярыня Анна Павловна и, конечно, Миша. С ним давно уже все считались. По сути, вся охрана, вся воинская учеба – на нем. И много чего еще.

Кроме того, в жарко натопленные воеводские хоромы явились и еще некоторые непростые люди: наставники, зодчий и староста плотницкой артели Кондратий Епифаньевич по прозвищу Сучок, немой Андрей с супругой Ариной и юный Тимофей Кузнечик. Этот всегда интересовался новостями из земель Журавля, так сказать – не забывал старую свою «малую родину».

Много людей Костомара с собой не взяла, так, больше «для чести», с полдюжины воинов и двое мальчишек-слуг. Сама приехала верхом, не в санях, показывая всем свою гордость и стать. Так вот, со свитой, и завернула в гостеприимно распахнутые ворота, въехала на широкий двор...

Ах, хороша вдовушка. Красива, как весеннее солнце! Конь белый, в гриве красные атласные ленты, попона из ромейской узорчатой ткани с золотистыми шелковыми кисточками, наборная узда...

Зимние порты на вдовушке, длинная варяжская туника, расстегнутый соболий полушубок, шитый золотом плащ.

Красивое лицо нынче нарочито сурово, надменно, официально. Сурьмяные брови, тонкий породистый нос... А ресницы какие! Глазищи большие, серовато-зеленые с этакими золотистыми искорками... Даже чуть тонковатые губы ничуть не портили красотку... Не юница, лет тридцать уже, по здешним меркам – вполне зрелая женщина. Правда, выглядела как подросток – вся такая тоненькая, изящная...

После всех здравиц Михайла лично придержал стремя, помог... Да Костомара и без его помощи обошлась бы запросто, однако вежливость оценила. Одарила милостивой улыбкой.

Смотрите-ка, где-то на болотах, в дрягве, живет, а гонору – как у герцогини! Ну, так, верно, и надо. Здесь все больше казались, чем были.

– Я хотела было на праздник приехать, – по пути в горницу мило болтала гостья. – Но сами знаете, какой ливень на Сретенье Господне был! Оттепель такая на Сретенье – к ранней весне. Вот и думаю, по зимникам-то не проеду! А по реке... Бог его знает, может, и лед уже такой станет, что лучше и не ступать.

Угощали вдовицу на славу! Рыбники, красный да белый кисель, томленный с пряными травами рябчик, уха налимья, уха осетровая, из белорыбицы... Рыбки-то в проруби наловили – не жалко! Еще тушеный заяц, да медвяные коржи, да только что испеченный хлебушек! Кушай, милая, – ничего для тебя не жаль!

Хитрый воевода и староста гостье не только почет оказывали, но и прямо намекали – мол, смотри, еды-то у нас вдоволь... А у вас? Так же ли сытно?

Судя по невольному вздоху гостьи, в ее-то землях так уж сытно не было. Так ведь за тем и явилась! Не, не покушать – за наукою. Чтобы урожай был, чтобы жилось ее людям сытнее. Непростая та наука – агрикультура!

Едва за стол сев, вдовица уже справлялась насчет книжек.

– Дам, дам, – приложив руку к груди, заверил Михаил. Сам же рядом, по левую руку от Костомары сел. По правую – Корней Агеич, а староста Аристарх – напротив. Ну и дальше где кто.

– Только Колумелла промок малость. Крыша протекла на Сретенье...

– А, это в ливень-то?

– Ну да, так, к сожалению.

– Миш, ты б мне вот что... – Еще с лета Костомара с Михайлой были на «ты», встречались... – Сам бы толком обсказал. А то книги-то книгами, а у нас-то земля посуровой, чем у ромеев древних.

Сотник улыбнулся, кивнул:

– У нас-то еще ничего, а вот в той же Ладоге! Там уж вообще одна сныть и растет. Правда, зато рыбы много.

– Рыбы и у нас хватает, – вскользь заметила гостья. – Хлебушка бы еще...

– Я тебе все обскажу, как...

– Не дадут нам здесь... Вон, как поболтать-то хотят, аж глазами блещут! – Костомара понизила голос. – Ты б меня проводил ближе к вечеру. У меня недалече заимка... как раз недалеко от вашей стражи.

– А ты уж и знаешь, где стража наша?

– Тоже мне, тайна! – гостья рассмеялась, фыркнула. – Братовья-то у меня на что!

Братья у вдовушки были еще те – сущие разбойники. Приходилось – сталкивались... Да и сама-то вдовица повадками напоминала знаменитого французского средневекового барона,

что выстроил невдалеке от королевского замка свой, не хуже ничем, и грабил, стервец, всех гостей своего сюзерена подряд безо всякого стеснения, еще и девиз над воротами начертал: «Я не король, я – барон де Куси». Как-то так. Вот так же и Костомара! Вообще, если честно, не двор у нее, а настоящая разбойничья шайка! Потому и уважали. Побаивались.

– Так выпьем же за прекрасную нашу гостью, длани коей... а ланиты... А очи как яхонты! – Кондратий Сучок уже изрядно хлебнул медовушки, витийствовал.

– Кондратий Епифаньевич! Яхонт-то ведь красный! – Гостье подобное внимание нравилось, вон, раскраснелась вся, смеялась. Аж ямочки на щечках... Ну до чего же краса!

– Он хотел сказать – смарагды, – хохотнул староста Аристарх, здоровенный, очень крепкий с виду дед с придавливающим взглядом. Нынче, правда, взгляд его никого не давил, наоборот даже!

– Ну да – смарагды, – воевода Корней Агевич одобрительно закивал и подозвал челядь. – А, налейте-ка... А то сидим, как дурни – трезвые.

Ну, трезвыми... это – как сказать. Хмельного на столе было в избытке. Брага, медовуха, вареный (еще иногда называли – твореный) квас, больше похожий на крепкое темное пиво, какое Михаил Андреевич Ратников как-то пивал в бытность свою в Риге, в одном из старинных тамошних кабачков.

Как было принято, за обедом решали дела, потому и не спешили. Правда, многие уже потихоньку ушли, и одним из первых – Кузнечик. Выспросил у вдовы про старых своих знакомцев, покивал, да тихонько – бочком, бочком – только его и видели. Ну и правильно – чего себя насиловать, коли по жизни непьющий?

С помощью Костомаровой «шайки», к слову сказать, можно было при большой нужде надавить на «журавлей», вне зависимости от того, кто там у них староста. Тем более что тамошние «лешаки», воины-невидимки, по-прежнему делились на группировки и друг с другом не ладили.

– Я там, во дворе, сани видела... – Между тем гостя все улыбалась Мише. – Красивые! Потом ты на них – обратно, а я бы к себе... У меня паренек молодой на заимке оставлен, он все возы наши чинит, хомуты мастерит, полозья... Вот бы и посмотрел сани-то. Может, чего и перенял бы.

А губа у вдовицы не дура! Сани-то специально для боярыни Анны Павловны деланы, легкие, быстрые, словно птица, да и кузов удобный, с теплой накидкой и мягким сиденьем. Пару вороных запрячь, да... «Ламборджини»! «Феррари»!

– Ну, коли матушка разрешит... Я спрошу.

– Ты всегда у матушки отпрашиваешься?

– Сани-то ее...

– А... Тогда понятно. Книжицы не забудь прихватить, да.

«Ну так, уже прихватил. Ишь ты, сани ей приглянулись... Еще и проводить попросила. До заимки ее. На ночь-то глядя, да... Ну, на таких-то санях туда – с полчаса да столько же обратно. До темноты вполне можно успеть, если не задерживаться. Вообще же, с этой Костомарой следовало держать ухо востро! Ей бы не только хлеба, ей бы людшек побольше – запросто бы на реке караваны торговые грабила! Ну, ладно, не караваны – лоды... Бодливой корове Бог рогов не дал!»

Однако же в данный момент Костомара и Михаил Лисовин, скорей, союзники и уж точно – не враги. По-прежнему нет порядка у соседей, вот вдовица и осторожничает, покровителей ищет. С ратнинцами задружилась – милое дело. Интересно, знает ли о ее поездочке староста Глеб? Вообще-то, он там сейчас за главного, в земле Журавля! Костомара же как тот барон де Куси: вроде бы и мешает, и сильно, да вот жалко прибить – вдруг да с воинской силой еще пригодится?

Наконец, все обговорили, простились...

Сотник поднялся из-за стола, наклонился к деду, шепнул:

– Я провожу...

– Смотри-и-и, – хитровато щурясь, протянул Корней Агеич. – Вдовушка-то красна-а-а! Такую б я и сам... Эх, и где ж мои молодые годы?

Матушка, Анна Павловна, сани взять разрешила, даже самолично велела слугам запрягать лошадей. Запрягли двух каурых, быстрых, в гривах синие ленточки вплетены – красиво!

Гостья тоже оценила – усаживаясь в возок, одобрительно поцокала языком.

Боярinya Анна Павловна вышла на крыльцо, улыбнулась:

– Возницу дать?

– Да я уж сам за возницу...

Взяв вожжи, сотник лихо подогнал лошадей:

– Н-но, каурые! Н-но!

Лошадушки взялись знатно – как форсированный движок – сразу рысью, едва челядь в воротах не сшибли!

Там же, в воротах, дожидались верные гриди – Ермил с Велимудром. Этим двоим Михайла безоговорочно доверял – ну хоть кому-то верить надо было!

Увидев отроков, сотник придержал коней:

– Тпру-у-у! Я к седьмому посту, на заимку...

– Ясно, господин сотник!

Седьмой пост у Младшей стражи – самый дальний и... скучный. Со всех сторон болотина да чахлый лесок, да и вышка не от врагов больше – от пожаров! Тоже опасность еще та, не хуже врагов будет. Никаких особо важных путей-зимников в той стороне нет, разве что вот, в болотную сторону – к вдовушке.

– Не засыпало дорожку-то?

– Не-ет! – вдовица рассмеялась, раскраснелась уже – сани-то несли влет, да и выпила изрядно. Ах, какая она все же красавица! И личико, и фигурка – все при всем... Опять же, красавица – это смотря на чей счет. Князь, бояре, богатые заморские гости-купцы – да, оценили бы! А вот смерды-крестьяне – нет. Худа больно! И что тут красивого-то? Злая тощая кошка. Ножки-ручки тоненькие, вот-вот переломятся, и грудь едва видна. Фитюлька какая-то, да...

Искоса поглядывая на свою спутницу, Михайла неизвестно к чему вдруг припомнил, что поговаривали, будто княжий дознаватель Артемий Ставрогин, посланный вести дознание по прошлогодним кровавым делам, посещал вдовицу почти каждый день... Ну, посещал – и что? Ставрогин – рядович, а Костомара – вполне себе свободная женщина, хозяйка. Почти что боярыня.

Весело мчались, так, что захватывало дух! Скрипели по санному тракту полозья, и свежий ветер бросал в лицо искрящуюся снежную пыль.

И все же полной радости не было. Да какая тут, к чертям собачьим, радость, когда столько нелепых смертей! И все погибшие – самые верные и преданные люди. Что ж так не повезло-то? Или все же невезение тут ни при чем и смерти эти – вовсе не нелепые, а тщательно кем-то подстроенные?

«Ах, Миша, Миша, мнительный ты в последнее время стал – вот что! Этак можно всех кругом подозревать. И ту же Костомару, и слуг ее, и... и вот тех купцов или приказчиков, что ехали сзади на санях, запряженных парой каурых лошадок. Почему не обгоняли... и не отставали – почему? Да и лошади – почему одинаковы? Да и сани чем-то похожи...»

Эй, эй, сэр Майкл! А ну, уймись-ка! С такой подозрительностью и до паранойи недалеко. Ну, едут себе люди по каким-то своим делам. Не обгоняют – потому что не торопятся, а не отстают – потому что страшно одним. С этакой-то кавалькадой-то – куда спокойнее».

– Эх, Миша, как славно-то, а? – Глянув на сотника, Костомара выгатила из-за пазухи серебряную фляжку... Сделав глоток, протянула парню. Ожгла изумрудно-зеленым взглядом:

– Пей!

– Твое здоровье!

Медовушечка – хмельной мед. Но выдержанный, стоялый, не какой-нибудь там перевар.
Хороший напиток, качественный... От такого и захмелеть...

Вдовушка и захмелела, усмехнулась, взглянула глазами шалыми, притянула к себе... и
с жаром поцеловала в губы!

Глава 2

Ратное и окрестности. Февраль 1129 года

Свернув на поворотку, взнеслись сани на кручу, взметнулась снежная серебристая пыль. Щурясь, Костомара взглянула на реку, на санный тракт – на излучине показался обоз из десятка саней, наверное – торговый, на Туров. Навстречу обозу неслись чьи-то быстрые сани, запряженные парой лошадей. Лошадиной масти было не разобрать из-за дальности расстояния и бьющего в глаза солнца, тысячами искр отражавшегося от снега.

– Ой... зайчик поймала! – фыркнув, совершенно по-детски рассмеялась красotka. Каштаново-золотистые локоны ее выбились из-под шапки, щечки покраснелись, изумрудно-зеленые глаза сияли, словно драгоценные камни. – Теперь не вижу ничего...

– Так глаза закрой... ненадолго, – сотник покачал головой и задумался. Он примерно представлял себе, что будет там, на заимке. Недаром же вдовушка отпустила свиту, точнее, приказала своим воинам ехать вперед и дожидаться уже в землях Журавля, в первой же на пути деревне. Так себе деревенька на пограничье, в три избы, но все же – владение, и принадлежало оно – Костомаре.

Юлька... Вспомнив возлюбленную, Миша все же ощутил нечто вроде укола совести, вернее – ощутил это Михаил Андреевич Ратников, а вовсе не молодой сотник Михайла Фролыч Лисовин! Это в двадцатом веке как-то неловко, когда с одной гуляешь, а с другой – даже невзначай – переспишь. Здесь же такими условностями не заморачивались. Есть возможность – люби, только головы не теряй. Тем более что молодой парень был еще не женат, да и красotka-вдовица тоже замуж не собиралась, меняя любовников как перчатки без всяких угрызений совести. Конечно, христианская традиция такое поведение осуждала, но... не в такую еще силу вошла Христова вера на Руси, чтоб всерьез из-за подобных пустяков беспокоиться. Да и так-то – можно было замолить грехи, или – лучше! – завезти в ближайшую обитель пару бочонков меда. Вера – она в больших городах, при князе, здесь же, в лесах да болотах, еще обитали старые могущественные боги, вполне себе уживающиеся с Иисусом Христом и ничего против плотской любви не имеющие. Наоборот даже – плотская любовь есть культ плодородия. Наше все! До сих пор еще по урочищам приносили дары старым богам: Велесу, Макоши, Перуну, Яриле... Еще не перевелись кудесники-волхвы да лекарки-ведьмы-ведуньи...

Такой вот лекаркой и была Юлька, стройненькая и очень красивая, на взгляд Миши, девушка лет, наверное, так... Да кто там девичьи года считает? Уронила первую кровь – пусть сватов засылают... И все же Юлька чуть помладше Миши, значит, ей где-то шестнадцать или чуть больше – давно бы уж замуж пора! Да коль была б Иулия обычной простой девчонкой, пусть даже боярышней – так и выдали бы. Однако не простая дева Юлия – лекарка, ведунья, как и матушка ее, Настена. Умения лекарские, тайны, заговоры-наговоры и все такое прочее передавались от матери к дочери, и от кого родить – лекарки выбирали тщательно, обычный человек для такого сакрального дела не подходил. Если б Юлька вышла за Михайлу, то дети их – обязательно дочери – лекарками уже бы и не были. Такая вот дилемма – либо замуж по любви, либо продолжить древнее ведовство да целительство... Не так-то и много лекарок-ведуний осталось.

К слову сказать, Миша с Юлькой еще до плотской любви не дошли, так, обжимались по малолетству на сене да целовались взадос... Иногда казалось, что Юлька все еще та же юная девочка, какой была лет пять назад. Сам же Михайла давно уже вошел в полную мужскую силу. Вступать в связи с женщинами сотнику было не зазорно, тем более – не женат, да и полюбовница – вдовица.

– Стой, кто идет? Ой... едет!

На седьмой пост полусотники Младшей стражи всегда посылали «залетчиков», провинившихся по уставу отроков-первогодков. Как говорится – чтоб служба медом не казалась! Стояли по два часа (летом – по четыре), как и положено по принятому в советской армии уставу гарнизонной и караульной службы, потом сменялись. То еще было местечко – укрытия никакого нет, одни ольховые заросли да орешник. Еще и – по склону холма – болотина рядом, трясины, дрягва, что тянулась далеко в Погорынье. Плохое место, скучное, путников мало – Костомара частыми посещениями ратнинцев не баловала, а в другие «журавлиные» земли и более удобные пути-дорожки имелись. Вот и скучно... Зимой – сопли морозишь, летом – комары. Еще имелась вышка, постовым полагалось туда периодически залезать и внимательно осматривать окрестности на предмет пожара. Лесной пожар – он куда больше врагов страшен.

На этот раз вышка была пуста... Часовой выскочил на дорогу прямо из зарослей, выставив вперед рогатину, преградил путь. Юный совсем паренек, лет, наверное, двенадцати – тощий, безусый, голенастый. Но все при всем – поверх двух теплых рубах кольчужка натянута, а на нее – полушубок. На голове шапка меховая – не шлем, чтоб зря не мерзнуть, зато на поясе – короткий меч в ножнах, арбалет за плечами.

– Тпру-у-у! – Миша придержал сани.

– Ого! – узнав, парнишка округлил глаза и поспешно сошел в сторону. – Проезжайте, господин сотник!

– Как служба, унот? – поблагодарив коротким кивком, улыбнулся сотник.

– Славно, господин сотник! – выпятив грудь, часовой вытянулся по стойке смирно. Разговаривая, отрок нарушал Устав... но, это в Младшей страже разрешалось, чай, все ж не советская армия, не караульная рота.

Краем глаза Михаил углядел, как слева шевельнулись кусты... Там скрывался второй часовой – с настроженным арбалетом. Один спрашивал, другой – страховал, таился. Если что-то пойдет не так, меткая стрела тотчас же найдет свою цель! Сам же сотник это и придумал... Но вот сейчас все равно было как-то неуютно. Даже мурашки пробежали по спине. Костомара же... О, та просто шурилась да загадочно улыбалась.

– До нас кто проезжал? – все же уточнил Михайла. Караульный доложил обстоятельно: кто проехал, сколько человек, когда да куда...

Вдовушка хмыкнула:

– Ну, Михаил... Сам же знаешь – мои это.

– Знаю, – тронув вожжи, покивал сотник. – Но порядок в танковых войсках должен быть!

– Где порядок? В чем?

– Это просто присказка такая. Не бери в голову... Н-но!

Михайла подогнал лошадей, и легкий возок ходко понесся по узкой лесной дорожке, скорее угадывающейся, чем наезженной. Да кому тут было и ездить? Разве что вон – всадникам... Взъерошили снег.

– Вы как добрались-то? – скосил глаза сотник.

Костомара зевнула, галантно прикрыв рот рукой:

– Сперва хотели по реке, а потом я решила – по старому зимнику. Ну, хоть посмотреть, проверить...

– Посмотрела? Проверила?

– Ехать можно. В чаще трудновато, правда, но там дальше редколесье, болото пойдет.

Ветер гуляет, снег сносит... Хороший у тебя возок!

– Это не мой – матушкин.

– Надо будет себе такой заказать... Если в ваших мастерских... Сладят?

– Сладят, еще и со скидкой... Только вот – время.

– Ну, это я – к следующей зиме. А про скидку запомнила!

Лес кончился, впереди показалась пустошь – болото, за ней – густые заросли ольхи, краснотала и вербы, и уже дальше синяя полоса ельника. Раскидистые ветви корявой сосны, росшей перед самой пустошью, были украшены разноцветными лентами.

– Граница! – Костомара повела плечом. – А вон и заимка моя. Дымок над деревьями видишь?

И впрямь, над деревьями поднимался едва заметный сизовато-синий дым.

– Очаг затопили, – пояснила вдовица. – Сюда вон, правее давай...

– Ага... – Миша переложил вожжи и хмыкнул. – А не далековата ли заимка от твоего двора?

– Далеко, – покусала губу красotka. – Вот и боюсь – как бы не отобрали. Не вы, так из «журавлей» кто-нибудь...

– Ты ж сама под «журавлями»!

– Вот и я о том.

Дальше ехали молча, впрочем – недолго, от силы минут пять.

– Стой, стой! Вон заимка-то.

– Где? Тпру-у-у-у...

Да уж, сразу не углядишь. Не показала бы Костомара заимку – Мишаня б и не разглядел, проехал бы мимо. Изгороди никакой нет, сразу в ольховнике – полуземлянка, какие еще оставались и в Ратном, и во многих других деревнях. Покрытая снегом крыша – просто большой сугроб, лишь дверь тщательно расчищена от снега да через волоковые оконца тянуло терпким дымком.

– Ну, приехали... Лошадей, вон, к осине привяжи... Волков тут нет – охотнички мои перебили всех. Разве что из ваших земель забредут...

– У нас их тоже немного...

Толкнув дверь, молодые люди спустились в горницу, если так можно назвать полное дыма помещение с открытым очагом и глинобитным полом. Стол, вдоль стен – широкие, грубо скроенные лавки, накрытые волчьими шкурами... На столе – корзинка с провизией и большая плетеная баклага.

– Любят тебя твои люди, – сняв плащ, сотник уселся на лавку.

Вдовушка улыбнулась:

– А то ж! Я ж зла-то никому не делаю. Правда, провинятся ежели... Но тут уж сами виноваты...

Теплело быстро, прямо на глазах – вот что значит полуземлянка и открытый огонь! Едкий дым собирался под крышей, обвивал черные от копоти балки сизой полупрозрачной змеею, уползал, улетал в узкие волоковые оконца... Внизу, на скамьях, дым почти что не чувствовался... Но вот если встать, вытянуться – сразу же начинали слезиться глаза.

– Выпьем...

Сняв сапожки, Костомара поднялась на ноги, сбросила плащ и полушубок, разложила вытащенные из корзины яства – хлеб, куски жареной рыбы...

– Вон там, на полке, кружки...

– Нашел...

Выпили. Растеклась по жилам пьяная медовица... и тут же ожег поцелуй – длинный, терпкий, манящий...

– Есть потом будем...

Отпрянув, вдовушка сняла пояс и стащила с себя верхнюю шерстяную тунику с узорами, а следом за нею и нижнюю, оставшись в одних узких штанах – специально для верховой езды так оделась.

В этой юной женщине чувствовалась порода! Стройные бедра, тонкий стан, шелковистая золотистая кожа, небольшая упругая грудь с твердеющими сосками... Быстро сняв одежду, Миша накрыл их ртом... Откуда в этой лесной глуши столь утонченная красота? Аристократка... В роду были ромеи? Или просто шальной заморский гость?

Поцеловав грудь, юноша опустил на колени, стянул с красотки штаны... Женщина застонала... Какое юное упругое тело... Темная ямочка пупка... Поцеловать! Спуститься ниже, к лону... Золотистый лобок... аккуратно выщипанный... По ромейской моде...

Женщина застонала, выгнулась, прикрыв глаза... Невероятно красивая хрупкая игрушка!

Миша подхватил ее на руки и осторожно – словно опасался сломать – уложил на скамью, прямо на волчью шкуру...

Они совсем не стеснялись друг друга – зачем? – обошлись без долгих прелюдий...

– Ты славный! – красавица улыбнулась, отдышалась...

– Я – разный, – совершенно по-довлатовски отозвался молодой человек.

Зеленые глаза обворожительной вдовушки пылали нешуточным томлением и жаром:

– Я тоже разная. С кем-то – опасная, с кем-то – нет.

– Не холодно?

– Нет...

Очаг догорал. Закрыв волоковые оконца, сотник зажег восковую свечку... Светло-голубую, фигурную, явно купленную в Ратном. С Мишиной подачи такие делали уже лет пять. Пять лет... Целых пять лет, как он...

– О чем думаешь? – легкие женские пальчики пробежались по спине.

– О разном...

– И я – о разном... – Костомара потрогала серебряный Мишин крестик, улыбнулась. – А у меня – ромейский, золотой!

– Ты женщина. Тебе нужно.

– Ну да...

Чуть помолчав, красавица зябко поежилась, и Михайла обнял ее за плечи, прижал к себе, погладил...

– Пусти... Я еще налью, да...

Вдовушка поднялся, склоняясь над столом... Миша подошел сзади, обнял за талию, погладил, поцеловал спинку, чувствуя, как снова нарастает томление и возникший внизу живота жар охватывает каждую клеточку тела...

Костомаре не нужно было указывать, что делать – эта обворожительная юная женщина знала и умела многое, куда больше, чем сотник Михаил Лисовин... и, может, больше, чем Михаил Ратников...

– Ах, милая... Как же ты... как...

– Еще! Еще! – Томно прикрыв глаза, красавица извивалась как кошка, как гремучая злая змея! Стонала, закатывала очи, смеялась, крича... И это вовсе не выглядело пошло, ничуть! Эта уверенная в себе женщина получала сейчас то, что хотела – и наслаждалась от всей души.

Не отставал от нее и Миша...

– Я просто хочу, чтобы мы были друзьями, – лежа на скамье почти без сил, Костомара прижалась к Мишиной груди, заглянула в глаза... – Да, да – друзьями. И не обязательно – любовниками, вовсе нет... Хотя это так славно! У тебя, верно, есть невеста?

– Есть.

– Ты – мужчина, тебе надо. А я вот не ищу себе жениха...

– Потому что ты больше ценишь свободу, – сотник нежно погладил любовницу по плечам. – И это – правильно! Чтоб женщина стала старшей в роду, добилась всего, подчинила себе братьев... Это многого стоит! И много о тебе говорит. Ты – сильная. Иначе нельзя.

– Сильная, да... – красавица вздохнула. – Но я боюсь! Я постоянно боюсь, Миша!

Последнюю фразу вдова произнесла с надрывом, выкрикнула...

– Да, боюсь! И мне не стыдно признаться. Вот я собрала немножко земель... я там хозяйка, и смею думать, не самая плохая. Но! Ведь каждый может эти мои земли забрать! А меня – убить, сделать наложницей, продать в рабство. Каждый, кто сильнее. Кто нахрапистей. У кого власти больше...

Усевшись, Костомара прикрыло лоно краем волчины, задумалась, уставилась куда-то невидящим взором.

Мише вдруг подумалось, что ей сейчас очень пошла бы сигарета... Томно бы закурила, выпустила дым... как в старом французском кино... И еще... Пожалуй, никого больше, а вот эту утонченную женщину Михаил легко мог представить себе и в джинсах, и в вечернем платье, и за рулем авто... Славная, славная!

Настолько с ней было просто и... как-то не по-старинному, что ли... Словно она сама была такой же, как Миша или Тимка – из будущего. Однако нет... Просто сама себя такой сделала... и еще – обстоятельства. Какие – сотник пока что не спрашивал.

– Мне страшно, – между тем продолжала вдовица. – Страшно даже не то, что вот ворвутся, нападут... Нет! Куда страшнее, что верить никому нельзя! Да и все меньше порядка. Знаешь, словно тучи какие-то сгущаются над всем Погорыньем! И чем дальше – тем их все больше. Все мрачно как-то... Как-то все давит. Не знаю, как объяснить... Вот при боярине Журавле... Нет, я с ним не... хотя, наверное, и могла бы. Так вот, Журавль наводил порядок и этот порядок держал, а те, кто после него – нет. Жаль, конечно, Юрия, но и тот...

Феодалная раздробленность, – усмехнулся про себя Михайла. Каждый сам за себя! Слабые же ищут союзников и покровителей. Вот как сейчас... Ох, не только ради секса притащила его сюда эта себе на уме вдовушка!

– Тороп был... Правду говорили – гнида. Помню, как три лета назад – неурожай. Как траву ели, кору с деревьев, дичь перебили всю... В церквах молебны творили – не помогло. Тогда решили пойти к старым богам. К Велесу, Перуну, Мокоши... Просили урожая. Плодо-родия. Знаешь ведь, как просят...

Миша знал, как просят: молодые парни с девками совокупаются на меже, и чем чаще – тем лучше. Тем больше урожай!

– Вот и я... – Костомара протянула руку к столу, с жадностью отпила из кружки. – Я же в своей земле – главная. Должна сделать все. И сделала... на меже со всеми, кто хотел... Тороп примчался! Ему тоже не отказала... А он потом меня... Ладно, то дело прошлое. Был когда-то Тороп – нынче Глеб-кикиморник. Он сильно изменился, почувствовал власть. Подати в два раз поднял! Не сам – есть у него советники из иных земель... появились. А мне что делать? Тоже под них лечь? Но был бы толк... Миша, пойми – словно черные тучи над Погорыньем встали! Грозою пахнет, бедой... Так будем дружить? Не против кого-то... а так – друг друга поддерживать. Если что-то «журавли» супротив тебя удумают – можешь рассчитывать на меня! Клянусь Иисусом Христом и посохом Тора!

– Варяжским богом клянешься? – впрочем, сотник особо-то не удивился.

– В роду были варяги... Так что? Дружим?

Собеседница выглядела сейчас чрезвычайно серьезно, несмотря на то что была нагой. Да какая разница, эта женщина могла быть любой – в джинсах, в платье, за рулем... Главное, как себя держишь. А держала она себя отлично! И все до мелочей продумала – молодец.

Вот только стоит ли ей верить? Ну, немножко можно... с оглядкой. Доверять полностью здесь нельзя никому! Эта горькая правда на Мишу очень сильно давила... Как в философии,

относительная истина и истина абсолютная, которая все время меняется и непостижима ни для кого.

Вот и пусть будет относительная дружба! Уж совсем-то без дружбы никак нельзя.

– Дружим! – взяв красотку за плечи, твердо ответил сотник. – Если что – помогу. Но вначале разберусь.

Костомара покусала губу:

– Я знаю – ты осторожный. Но и я тебе не лгу. Знаешь, почему – ты? Не только потому, что ближний сосед. У вас, в Ратном, не как у других. У вас много чего делается такого, чего и не было ни у кого... разве что у Журавлей маленько. Школы, мастерские... библиотеке! Трехполье, га-зе-та... я правильно сказала?

– Да...

– И ти-по-графия... Это все для людей, для лучшей жизни. И оно – действует! Я тоже хочу так!

– Ты приметливая, – сотник обхватил красотку за талию, улыбнулся.

– Увы, не только я! – дернула шеей вдовица. – Многие знают. Завидуют. Мало того – вредят. А в последнее время так все больше. Вот. Вспомни – у тебя за эту зиму ничего плохого не произошло?

– Произошло... – поглаживая любовницу по спине, согласно кивнул Михаил. – Несчастные случаи...

– Случаи ли? Тщательно все проверь!

– Проверяем...

Правая рука сотника переместилась со спины красотки на грудь, чуть пощипывая коричневатый упругий сосочек, левая же, скользнув по бедру, принялась ласкать лоно...

Михайла выехал утром, как только рассвело. Простился с Костомарой – поцеловались, обнялись...

Кто она ему теперь, эта красивая и очень умная вдовушка? Подружка, полюбовница... друг? Как бы то ни было, а оба расстались вполне довольные друг другом. Договорились дружить и друг друга всячески поддерживать... Что же касемо любви – тут здесь она и не ночевала. Понравилась друг другу – переспали, и что с того? Обычное дело. Судя по слухам, для вдовушки – тем паче... Да и ладно!

Далеко позади, за лесом, вставало желтое солнце. Вытянулись, легли в снег синие холодные тени. Морозило, и сотник подогнал коней, хотелось уже быстрее в родной Михайлов городок, в канцелярию, сесть за дела и, наконец, хорошенько подумать над словами подружки: а вдруг все эти мерзкие случаи вовсе не случайны? Неужто за ними кто-то стоит? Целое сонмище – организаторы, исполнители, пособники.

Если так – мрачно все, беспросветно... Тьфу! Паранойя какая-то! Нет, точно – паранойя.

Что-то ударило вдруг, впилося в сиденье, совсем рядом с Мишей! Этак чпокнуло, разорвало обшивку...

Сотник протянул руку...

Стрела!

Короткий арбалетный болт.

Не думая, Миша на ходу выскочил из саней, откатился, спрятался за деревьями, в синем сугробе. И оружия при нем были лишь нож да меч в красных сафьяновых ножнах – добрый закаленный клинок.

Однако что толку – били-то с расстояния! Из арбалета...

Лошади, хрипя, унеслись по зимнику дальше и встали на повороте. Никто по ним не стрелял, никто не выбежал, не схватил вожжи...

А может, это просто сработал охотничий самострел? Настороженный на крупного зверя. Очень может быть – по этой дорожке давненько никто не ездил. Впрочем, посмотрим...

Вытащив меч, сотник снял шапку, повесил на кончик клинка, высунул промеж сучьев...

И снова просвистела стрела! Шапку, правда, не поразила – исчезла сзади, в сугробе. Мазилы чертовы! Да кто ж такие-то? И где, интересно, караульщики с седьмого поста? Ведь где-то здесь должны быть, вон, метрах в двухстах и пожарная вышка.

Однако кто же эти загадочные стрелки? Лешаки? Скорее всего, наверняка... Эх, жаль, не прихватил с собой арбалет! Да кто ж думал, чем обернется эта легкая прогулка. От меча пока толку мало, да и вообще, Михаил где-то читал, что меч для воина, рыцаря – все равно как пистолет для офицера, больше для чести. Да и дорогуший – его беречь надо! Кроме меча, обычно у воина еще что-то было, более, так сказать, грубое, для обычной боевой работы. Чаше рогатина или секира, но случались и палицы, шестоперы, кистень...

Эх, хотя бы лук был... Сколь ж их? Где прячутся? Похоже, во-он в тех кусточках. Что это – краснотал, верба? Нет, орешник... ольха еще, а чуть дальше – высокие грабы и липы. Вершины их уже золотились солнцем, а здесь, внизу, было как-то темновато даже, словно бы еще с ночи задержались, повисли на ветках синие сумерки. Так и хорошо! Попробуй, прицелься. А орешник можно и обойти, подобраться сзади.

Сотник так и сделал, откатился назад, бесшумно поднялся на ноги. Меч убрал обратно в ножны, вытащил нож – в случае чего метнуть можно, а потом уж и для меча настанет работа, и тут уж не ждите пощады, разбойнички-лешаки! Ишь, явились... Неужели караульных сняли? Эти могли... Тем более здесь, на седьмом посту, одни залетчики да зеленая молодежь. Тут ведь никогда ничего не случалось.

Не случалось... Однако и на старуху бывает проруха, и сухая палка раз в год стреляет.

Чу! Вот снова просвистела стрела, ударилась в ствол толстой березы. Так просто били, на авось, примерно... Стращали! Хотели, чтоб шевельнулся, чтобы себя показал да выдал... Однако ж фиг вам!

Ага, здесь вот, через овражек... вот и орешник, невдалеке... Теперь, главное, не спешить и не шуметь. И высмотреть – сколько их? С ножом Миша с детских лет обращался как жонглер в цирке, лучше него в Ратном никто клинки не метал, даже на спор перестали. Так что первый же враг – труп однозначный. Дальше же... Дальше – поглядим.

Однако что-то затихарились вражины... Верно, думают, как выманить жертву... Или – обходят... Ну, точно!

Впереди шевельнулись кусты, показалась невысокая фигура в полушубке и плащике, блеснула синим кольчуга...

Михайла поспешно убрал нож. Черт побери! Так это ж... Свои это, чего уж! Часовые из Младшей стражи. Не вчерашние – те сменились уже. Но о сотнике доложили, должны были доложить, обязаны просто! Если же не доложили... Тогда плохо, пароли-то каждый день менялись...

– Стоять! – заметив Мишу, стражник вскинул арбалет.

– Тайное слово не помню, – беспечно насвистывая, вышел из-за деревьев сотник. – А за службу – хвалю. Чей взвод? Кто десятник?

– Старший урядник Лепята! – обескураженно выпалил отрок.

Ну да, отрок – юный, круглолицый, курносый... Совсем еще дите!

– Кто стрелять учил?

– На... Наставник Микола.

– Наставнику Миколу после смены доложите. Пусть контрольные стрельбы проведет! А то лупите в белый свет, как в копеечку.

– Как... куда? Ой! Слушаюсь, господин сотник. Есть – доложить.

– Господин сотник! – откуда-то слева показался и второй, чуть постарше, с вытянутым смуглым лицом. Возник из кустов, стряхнул снег с шапки. – Осмелюсь доложить, господин сотник! Вчера была обстреляны из луков, с таких же саней!

– Та-ак... – поглядывая на парней, задумчиво протянул Михайла. – Лично вас обстреляли или другую смену?

– Нас, господин сотник, – опустив арбалет, младший подошел ближе.

Сотник нахмурился:

– Ногу себе не прострели! А то бывали тут... деятели. Арбалет разряди, живо!

– Есть, господин сотник!

– Ну? – глянув на второго стража, прищурился Миша. – Как все случилось-то?

– Одрята... Унот Одрята, не он, – парень кивнул на своего курносого напарника. – Этот – Дрязг, а тогда Одрята со мною был. Так он на вышку-то и полез, как в начале стражи положено. Я внизу стоял – прикрывал. Тут они и вынеслись. Сани, точно такие же, как у вас. Лошади каурые, в гривах – красные ленты. В санях – двое. Мужики как мужики. Бороды, полушубки, шапки. Подъехали – и ну стрелами с разворота! Одряту и ранили... Хорошо – кольчуга спасла, влет били. Выстрелили – и сразу уехали, скрылись.

– Та-ак... – снова протянул сотник. – Понятненко. Значит, вы меня за тех разбойников приняли.

– Точно так, господин сотник.

– Ну, лицо не разглядели, ладно... И сани пускай похожи, и кони... – Миша покачал головой. – Только у меня ленты-то в гривах коней – синие!

Парни недоуменно переглянулись.

– Никак нет, господин сотник – красные! – старшенький – унот Егор – говорил со всей убежденностью, так что Михайла засомневался. Вроде синие ленты были... Вчера – точно, синие вроде... А сегодня какие? Да какими им и быть-то? Синие же... Однако не точно – на подобные бабьи пустяки кто ж внимание-то обратит?

– А ну-ка, пошли, глянем...

– Унот Дрязг! Продолжать нести службу! – уходя вслед за сотником, важно распорядился Егор.

– Есть!

Едва слышно закрипел под ногами снег.

Красные! Вплетенные в гривы лошадей ленты оказались красными! Широкие, атласные, видные издалека. И как же Миша не заметил? Да заметил. Просто внимания не обратил, как и любой мужик не обратил бы. Ну, подумаешь, какие-то ленты?

И словно обухом по голове ударило! А ведь права Костомара – не случайно все. И его, Мишу, сегодня подставили! Спасибо наставнику Миколу – метко стрелять ученичков своих пока не научил. А то бы... Повезло! А вот в следующий раз может и не быть такого везения. Кто мог перевязать ленты? Да лешаки – запросто. Из тех, кто славно жил при прежнем старосте, Торопе, кто с новой властью не смирился, вредил... Вот вредили и Ратному! Из зависти, да... или по указке – врагов-то хватало. Ищи теперь тех мужиков – с бородами и в шапках. А сани... саней похожих много, да. Сами по себе – не приметя.

С тяжелым сердцем возвратился сотник в родные пенаты. Все кругом не радовало глаз, казалось каким-то чужим, мрачным: и серые плащи ратников, и скрывшееся за сизыми тучами солнце, и зарядивший с обеда хлопьями снег.

До обеда Михайла еще съездил на похороны, что тоже радости не прибавило. Простился, помянул своих... Урядники Златомир, Вячко, «шустрая» девчонка Добромира-Ирина... Всех погребли рядом, на погосте, за церковью. Священник прочел поминальную молитву... Пошел снег.

На обратном пути сотник заехал к Юльке. Юная лекарка с матушкой своею Настеной по-прежнему проживала на отшибе, в стоявшей за пределами тына избе, огороженной невысоким плетнем. Рядом, за деревьями, виднелась река – санный путь, зимник...

Вот здесь когда-то... первый поцелуй, да...

У Миши вдруг защемило сердце. Эх, Юлька, Юлька! Вот ведь прикипел-то, да...

Спешившись, молодой человек взял коня под уздцы и подошел к калитке... В избе распахнулась дверь, и на пороге появилась Юлия. Стройенькая, ясноглазая, в длинной синей тунике, подпоясанной узеньким кожаным пояском, с накинутым на плечи полущубком.

– Миша, не входи... – подбежав в калитке, предупредила девушка. – У меня больная там. Дева-юница, горит вся, прямо жаром пылает. Я отвару дала... Боюсь, как бы не мор!

– Ты сама-то не заразись! – отпустив узду, сотник приобнял девушку за талию, поцеловал...

– Я-то – лекарка, я-то – знаю...

Покачав головой, девчонка пристально посмотрела на Мишу. Заглянула прямо в глаза...

– В гостях у кого-то был?

– Да. О дружбе с соседкушками сговаривались.

– Опять с «журавлями»?

– Почти...

Михайла не врал, но и не говорил всей правды – к чему? С годами мудр стал господин сотник.

Юлька все же что-то такое почуяла – помрачнела, опустила уголки рта...

– На похоронах тебя видела... Как же всех жаль! Очень. На селе говорят – нелепо все...

– Может, и нелепо, – сухо кивнул Михаил. – А может, и что другое – мало ли у нас врагов?

Лекарка вскинула очи:

– Так ты думаешь...

– Я еще ничего не думаю. Я не знаю, – повел плечом сотник. – Обязательно будем дознание вести!

– Коль помощь моя нужна...

– Обращусь. Ты поможешь – я знаю... – Миша вдруг улыбнулся и взял девушку за руки. – А ты приходи ко мне, Юль! Вот просто так, запросто, приходи. Когда захочешь. Квасу попьем, посидим, поболтаем... Ну, а правда? Чего ж не придешь?

– Так ведь болтать всякое будут... – несмело возразила девушка.

Сотник дернул шеей:

– Пусть! И что тебе до чужих слов?

– Мне-то – ничего. Однако матушка... За нее боюсь. И так многие на нас косо смотрят. Хорошо, не в городе живем... Говорят, в Пинске таких, как мы, недавно сожгли... На площади, принародно. За ведовство.

– Ну, Юль... – юноша с нежностью погладил девушку по щеке. – Я ж вас в обиду не дам, ты знаешь.

Лекарка ничего не ответила, лишь благодарно улыбнулась, кивнула:

– Ну, мне пора... А зайти – зайду, коль зовешь. Когда вот – точно не обещаю. Зима – болезных много.

Вот только мора еще не хватало при всех прочих мрачностях! Лучше уж лихоманка – простуда, воспаление легких, бронхит, а мора – гриппа – уж никак не надобно, от прежней эпидемии толком еще не оправались, сколько людей померло, а Нинеина весь так и вообще почти совсем вымерла.

Болезни, дело мрачное, страшное – до появления антибиотиков (в середине двадцатого века) любой грипп с осложнениями, бронхит или воспаление легких смертельны, кого угодно в могилу сведут. Малиновым вареньем да травками луговыми серьезную болячку не вылечишь –

это даже Юлька признавала, только легонькую «простуду» с насморком, который, если лечить – пройдет за семь дней, а не лечить – тогда тоже за неделю. Все ж остальное – мрак! И все рассказы о здоровых средневековых людях – «а вот в старину были богатыри, ничем не болели» – зловредные антинаучные фейки. Хотя общее впечатление – да, все богатыри кругом! Так это потому, что из десяти детей во младенчестве умирало семь или восемь, оставались самые здоровые, самые приспособленные, да и те, мягко сказать, серьезных болезней не выдерживали, мерли, как мухи. Такой вот естественный отбор!

Еще положение женщин – та еще песня! Тоскливая. Замуж лет в тринадцать, первые роды, затем – рожать каждый год, никто юной супруге «пустой» простаивать не даст, женщина и не человек вовсе, а так, приспособление для рождения детей, для того, чтоб род не прекратился. Полноправные разве что вдовы, как вот Костомара. Ну и боярыни – некоторые, далеко не все... Что поделать, Средние века – суровое, вовсе не женское время, и не надо тут про рыцарские куртуазные романы заливать. Романы – они романы и есть. Для того их и пишут, чтоб дерьмовая жизнь хоть чуть-чуть радостней казалась.

Сплошная волна несчастий, внезапно навалившихся на Ратное, так и не кончилась, наоборот – еще подъезжая к Михайловскому городку, Михайла увидел густые клубы черного дыма, уносимые ветром к реке. Весь снег уже в той стороне стал черным, даже тот, который только что выпал! Что-то горело невдалеке от пристани, на берегу... Мельница? Да нет! Пылала оранжевым пламенем расположенная рядом оружейная мастерская!

– Кузнечик! Черт побери, да что ж это такое делается-то, а?!

Бросив коня в намет, сотник помчался к пристани...

На церковной колокольне уже звонили в колокола, уже суетились, бежали люди – помочь! Пожар часто страшней врага, ведь кругом все из дерева, каменных зданий просто нет. А на избах – тесовые да соломенные крыши, дранка... Горит – будьте нате!

– По-жар! По-жар! По-жар! – кричал народ. Надрывался басовитым набатом колокол. Люди бежали с кадками, тащили лестницы и багры.

Миша стегнул коня:

– Побер-регись! Дор-рогу!

Мастерскую, похоже, уже не спасти, по крайней мере – саму постройку. Что там рядом? Пристань. Амбары, торговые рядки. Гостевой дом. Черт! А если сгорит все? Это ж какие убытки-то, это ж...

– Побер-регись!

Спрыгнув в коня, Михайла бросился к горящему строению... да тут же застыл, охолонул от нестерпимого жара.

По всему периметру уже были расставлены парни-ратники – передавали цепочкою тяжелые кадки с водой, швыряли лопатами снег. Невдалеке точно такая же бригада поливала водой амбары – не дай бог, перекинется огонь. Разгорится, тогда все сожрет – не потушишь.

– Пожар! Пожар! Пожар!

Парнями с лопатами кадками и баграми деловито распорядился кряжистый полусотник Архип, нынче выпало его дежурство.

– Слева. Слева кидайте! А вы тоже – справа... Багорщики – наготове. Как притушат – вперед... Вот-вот! Пошли уже... Пошли, с Богом!

– Давайте, парни! – кинув, подбодрил Михаил. – Давно горит?

– Говорят, с утра еще изнутри загорелось, – пояснил Архип. – Старая ветошь, видать, тлела и... Никого ж не было – все на похоронах.

– Да, бывает... – согласно кивнув, Миша от души похвалил Архипа за расторопность. Все правильно сделал господин полусотник! Ни у кого не спросясь, принял решение – и немед-

ленно действовал, так, как посчитал нужным. В науке управления это и называется – делегирование полномочий! Ну, не одному же бояричу с дедом да старостой за порядком смотреть?

Молодец Архип, что тут скажешь? Еще немного промешкал бы и... Вот именно поэтому каждый заместитель должен четко знать свое дело! И – самое главное – не бояться действовать. Один из минусов управленческо-бюрократической системы как раз и состоит в боязни ответственности. Пусть, мол, начальство думает – у него голова большая. А то вдруг начнем действовать – да как-нибудь не так? Что тогда? Кто отвечать будет? Ясно кто – тот, кто действовал, начальственного разрешения не спрося. Вот коли б сейчас Архип этак дожидался – так сгорела бы вся пристань к чертям!

А так – споро действовали парни, любо-дорого посмотреть. Еще и выставили стражу – зевая отгонять. Молодцы...

– Кузнечик? Тимка? – сотник еще раз огляделся вокруг. – Тимофей где?

– Говорят, в мастерскую побег... В левый край... там еще не горело...

Не горело... Но вот полыхнуло и там...

Недолго думая, Миша подбежал к парням, сбросил на снег плащ:

– А ну-ка лейте водицу! Прямо на меня... Давай!

Ух-х!!! Окатили с душой. Настоящий холодный душ, истинный!

Поежившись, мокрый Михаил бросился в горящий проем, прижимая ко рту сырую тряпку...

Сразу же запершило в горле, принялись слезиться глаза... Вокруг все было в дыму, ничего не видно, откуда-то с боков вырвались гудящие языки пламени, а наверху уже трещали балки! Еще немного, и обрушится крыша...

Где же Тимка? Или... нет его здесь?

Сотник опустился на колени, а потом и вообще прижался к полу – глянул... И увидел в дальнем углу... Что там, ветошь, что ли? Да нет... кто-то лежит!

– Тимка-а-а!

Быстрее! Быстрее! Подбежать, приподнять, подхватить со спины под руки... тащить...

Вот, еще немного... Кто там еще? Что за тени?

– Подмогну, господин сотник!

Архип!

Не бросил своего командира... И это вовсе не хорошо! Кто ж командовать будет, ежели, не дай бог... Впрочем, что уж теперь...

– Давай!

Вдвоем потащили куда быстрее, и вот уже нырнули через проем, упали на снег... Кто-то подбежал, помог подняться.

Миша тут же наклонился к Кузнечику:

– Тимофей!

Ресницы парнишки дрогнули, глаза распахнулись...

– Ну, слава богу – жив! Живо, к Юле его...

– Да я здесь же! – Юлька подбежала, расхристанная, чумазая... родная... – Давайте его в гостевой дом.

– А если...

– Да потушили уже кругом... Сызнова не разгорится!

Тимка пришел в себя почти сразу. Отдышался на воздухе, пока несли в гостевой дом, да и там Юлька сразу стала поить парня каким-то горьковатым снадобьем. Мальчишка скривился, улыбнулся:

– А послаще-то у тебя ничего нет? Хотя бы глюкозы...

– Чего?

Тут как раз заглянул и Михайла. Тимофей лежал в длинной зале, у очага, на двух составленных вместе скамейках. При виде сотника паренек приподнялся:

– Миша!

– Лежи-лежи...

– Я сказать хочу. Не могло само загореться – не с чего... С утра кузницу не заводили – на кладбище все пошли. Ой, Мишаня, поджог это, к бабке не ходи! Черт... все станки сгорели... обидно...

– Ничего, построим еще станки! – Сотник помрачнел и присел на край скамейки. – Так, говоришь – поджог... Что же, будем вычислять – кто. Кто-то мог видеть, не бесплотные духи же это все устроили?

– Так все ж на похоронах были! – встряла-таки Юлия.

– Не все, – Миша покачал головой. – Чья-то челядь, холопы, детишки малые... Всех найдем, всех опросим. Всех!

– Миш... – вновь приподнялся Кузнечик. – Я про стрелу хотел сказать. Ту, что в Златомира угодила... Не наша это стрела, чужая!

– Как так – чужая? – сотник вскинул брови, да и прислушивающаяся к беседе Юлька тоже удивилась.

– А так – чужая, – спокойно пояснил Тимофей. – У Глузда такой не могло быть. Вообще, ни у кого из наших... Да понимаете, – Кузнечик явно разволновался, зашмыгал носом. – У нас стрелы по стандарту делаются, ну, Миша знает – мануфактура, конвейер. Чуть пониже острия мы ее в станке зажимаем, отметина остается. А у той, что якобы Глузд в Златомира попал, – такой отметины не было. И оперение у наших другое, простое... стандартное.

Юлька понятиливо покивала:

– Так та стрела...

– Где угодно могла быть сделана, – сверкнул глазами отрок. – Только не у нас в мастерских!

– М-да-а... – Михаил задумчиво качнул головой. – Так и где стрела-то та?

– Там... в мастерской... Где все сгорело...

– Да уж... В случае чего и предъявить будет нечего. Ладно! – вскочив на ноги, сотник хлопнул в ладоши. – Поищем лиходеев, найдем! А за стрелу, Тима, спасибо. Смотри-ка – углядел!

– Да что там и глядеть-то было!

На место гибели Златомира сотник выехал самолично, прихватив с собой с полдюжины отроков-первогодков, коим было наказано пробежаться по всем близлежащим местам да поспрашивать – не видали ли кого чужого в указанное время? Отправив ребят, сотник внимательно осмотрел место происшествия, увы, уже засыпанное снегом. Вспомнив слова участников охоты, прикинул, где кто стоял... И так вышло, что подозреваемый Глузд вообще не должен был хоть в кого-то попасть, росшие кругом деревья и кустарники напрочь перекрывали парню всю биссектрису огня. А вот из-за можжевельника вполне можно было выстрелить... и попасть! А затем незаметно уйти – кусточками, лесом... Эх, жаль, лыжню-то засыпало! Да теперь уж чего...

Кстати, а куда могли супостаты – или супостат – податься? К реке, к пристани – запросто, рядом все. А по реке мог обоз идти – вот к обозу тому и пристали. Кто мог их видеть? Тот, кто из проруби рыбку таскал, – мальчишки. У взрослых-то мужиков зимой дела поважнее есть – та же на крупного зверя охота, что им этот подледный лов – то ли будет рыба, то и нет...

От реки как раз скакали – возвращались – двое из Младшей стражи. Один что-то тащил в руке... что-то рыжее... Хвост лисий! Такой и на воротник хорош, и на шапку...

– Не, не хорош, – спешившись, пояснил отрок. – Собаки потрепали уже. Они же, собаки-то, и притащили. Отроцы говорят – как раз из этих мест...

Михайла сдвинул на затылок шапку: вот и Глузд что-то такое про лису толковал. Мол, отвлекла...

– Еще чего отроцы глаголили?

– Еще отроки мужиков в тот день видали. На лыжах к зимнику шли, опосля обоз дожидались. Мужики чужие, не наши. Приказчики или мелкие купцы – офени.

– Однако пусть так... – выслушав, сотник задумчиво скривился. – Хоть приказчики, хоть купцы... все одно, под кого рядились. Но если не совсем дураки, должны б от улик избавиться – мало ли, проверит стража? А такое могло быть вполне.

– По пути могли самострел сбросить, – отроки дружно кивнули. Сметливые, не смотри, что первогодки! – Если хороший самострел, то и припрятать в приметном месте могли, чтоб потом забрать при оказии. Вещь дорогая и в любом хозяйстве сгодится. Если ж дешевый, тогда легче выкинуть.

– Верно мыслите, парни, – усмехнулся Михаил. – Пройдитесь-ка по их следу... Вот, от можжевельника, через краснотал – и до реки. Не такой и сильный нынче снег был...

К этим двоим сотник отправил и остальных отроков, вернувшихся из ближней деревни не солоно хлебавши. Да и сам уселся в седло, поехал к реке, к зимнику...

Там, в краснотале, арбалет и нашли! Хороший, с резным прикладом. Видать, жаль было столь добрую веешь выбрасывать – в зарослях, в снег, зарыли. Еще и пять стрел...

Стрелы эти Миша потом Тимке Кузнечнику показал, тот и узнал – точно такую ему и приносили. Якобы Глузда стрела... Глузда, кстати, из поруба выпустили и все обвинения сняли... Но сразу навесили пять суток наряда – для порядка! Да парень и этому рад был.

«Ну, сэра Майкл, что скажете? Права оказалась вдовушка! Случайности – не случайности вовсе».

Миша уселся в резное полукресло у себя в «канцелярии», вытянув ноги к недавно протопленной печке, и блаженно зажмурился. Хорошо так было сидеть, в тепле – думать. Жаль только, мысли-то были недобрые, мрачные.

«Итак... Златомир убит, это уж точно. И убил его не Глузд, и никакая это была не случайность – все тщательно подстроено и так же исполнено. Хотя, может, не столь уж и тщательно – по нахаловке все, напролом, в наглую! Не надо считать злодеев умнее, чем они есть. По-настоящему умных людей на самом деле не особо и много, и в процентном отношении одинаково, что среди праведников, что среди злодеев».

«Что нужно было для подготовки и проведения акции – убийства Златомира? И какова, так сказать, цель? Златомир сам по себе? Да не совсем так, сэра Майкл, не совсем так! Удар то наносился не столько по конкретному человеку, сколько по Ратному, точнее сказать, по всем новомодным придумкам. По всему тому, что делало Ратное сильным и конкурентноспособным. На зависть соседям и врагам!»

«Если следовать этой мрачной логике, то и все остальные якобы случайности – звенья одной цепи! Нагадить, убрать, ослабить, сделать так, чтоб ничего хорошего в Ратном не было, не осталось! На этот раз враги действовали хитро – якобы их тут и не было, не они руку прикладывали, а его величество случай».

«Стрельба часовыми в меня – тоже из того ряда. Окажись отрок чуть более метким – так и не сидели бы вы, сэра Майкл, нынче у печки. Во сырой земле бы лежали, как бедолаги Златомир, Вячко, Ирина... Царствие им небесное... вернее, еще пока – земля пухом!»

Михайла перекрестился на висевшую в углу икону Николая Чудотворца, отпил кваску и продолжал свои рассуждения.

«Ишь ты, ловко придумали – сани похожие нашли, лошадок, ленты яркие... А потом, там, у заимки, те же ленты и моим лошадам влели. Та к ведь, сэр Майкл? Пока вы там с вдовушкой... гм-гм... важные вопросы решали. И ленты новые... не то чтобы не заметил – просто не обратил внимания.

Два эпизода, сэр Майкл! Впрочем, что там два – три! Мастерская тоже ведь не сама собой загорелась. Тимофей Кузнецик чуть не погиб, тот, на ком много чего держится.

Остальные случаи? А, сэр Майкл? Но тут с наскака не скажешь, тут проверять надобно. Проверим! К слову сказать, по случаю с Вячко-стрелком проверка уряднику Ермиле поручена, а он парень дотошный и скоро должен явиться с докладом. Ему же потом и библиотеку поручить – сама ли там дыра в крыше образовалась?

Что же касаясь уже известного, то тут надо думать: кто? Как злодеев вычислить да наказать. Многих непосредственных исполнителей, наверное, уже и вряд ли изловить выйдет, но ведь те не сами по себе действовали – пособники в Ратном имелись, обязательно! Да что там искать – та же вдова Брячислава, князя Юрия верный человек! Ее и тряхнуть... Или все же еще рановато? Пожалуй, да – маловато улик!

Ладно... что есть? Что можем?

Начнем с бедолаги Златомира. Чтобы ловко организовать его устранение и при этом не попасться самим, нужно было точно знать место и время охоты. Ну, место, пожалуй, известное – Златомировой семьи угожья, тут ничего особо выискывать не надо. А вот время! Не сутками же там, в ольховнике, сидеть, ждать. Время... Да за день уже известно было, по словам всех участников. Тоже никакой тайны – языками, поди, трепали... Кому нужно, запросто мог узнать.

Отроки с прорубей чужих мужиков видели. Приметы, правда, те еще – считай, что и нет их. Чужаков в Ратном в последние дни хватало – санный тракт, купцы-приказчики-служки. Весь гостевой дом кишмя кишел! И вот здесь-то можно и поискать двух ухарей на быстрых санях... или даже они эти сани покупали-пришкивали... украли, может быть... И потом ушли с обозом на Туров. Время и место известно, а торговый обоз – не иголка в стоге сена, отыщется.

Так... кому же поручить? А что бы вам самому не проехаться, сэр Майкл? Или лучше пройдитесь пешком, чай, не развалитесь! Тем более что недалеко тут. А на постоялом дворе можно и отобедать, и пива вкусно выпить, и с людьми поговорить. Самый сезон сейчас, почитай до весны, когда лед начнет таять. Вот тогда все, потом уж ждать, пока пройдет ледоход, а там и лето. Ладьи пойдут караванами, а с ними – и прибыль».

Накинув полушубок, подбитый волчьим мехом, Михайла надел на голову такой же волчий треух, подпоясался и отправился на пристань. Спускаясь с крыльца, махнул рукой страже, те бросились было отворять ворота, да Миша охолонил – уже можно и через калиточку!

Так и отправился, пешочком, на коне верхом не поехал, лишнего к себе внимания не привлекая. Верхом-то кто здесь ездит? Воин знатный, боярин либо боярский слуга, опять же не простой, а облеченный особым доверием. А пешком же – человек обычный, приказчик, охотник из дальних деревень, человек пусть не шибко бедный, но и не богат точно. Ну, конечно, Мишу в лицо почти все знали... Но это все были людишки местные, свои. Чужие же могли и не знать, да о простолюдинах особо и не выспрашивали.

Войдя в корчму, сотник снял шапку и перекрестился. Поздоровался вежливо:

– Здравия вам всем, добрые люди!

– И тебе!

За столами народу хватало – как раз начиналось время обеда, а новый обоз еще не отошел, купцы да приказчики сидели да обедали, грелись. Некоторые – кто помоложе – друг перед другом хвастались:

– А я вот купил мяса, от Киева недалече, на выселках!

– Поди, прошлогоднее? Гнилое?

– Да какое ж гнилое?! С ледника!

– А, ну ежели с ледника, тогда оно конечно...

Мишу все же узнали. Корчемный служка подбежал, поклонился:

– Господин со...

– Тсс! – сразу же шикнул сотник. – Я тут сам по себе, безо всякого важного дела. Посижу где-нибудь в уголке... перекушу...

– Понял, господине. Чего откушать изволите?

– Что сам предложишь. Но понемногу. Понял?

– Как не понять... Постное или...

– Пусть будет постное.

Большого поста не было, но пятница считалась постным днем. Сегодня как раз и была пятница, впрочем, строго посты в Ратном, как и во всем Погорынье, не особенно-то и блюли. Просто Миша не хотел объедаться, вот и заказал...

– Вон там, в уголке будет удобно... – служка лично провел гостя к угловому столу, изогнулся в полупоклоне. – Еще чего изволите?

– Хозяин пусть подойдет... Не сейчас, чуть попозже. И так, как-нибудь... незаметно. Ну и ты, как все принесешь – присядь, составь компанию...

– Да я б и рад, иначе...

– Ненадолго...

Под полбу с белым овсяным киселем, под ушицу из белорыбицы да под свежесваренное пиво Миша и расспросил служку о всех гостях. Правда, задачу поставил конкретно:

– Ищу двух парней... или мужиков. Примет особых нет. Но... Скорее всего, держались вдвоем, наособицу. Другим на глаза не лезли.

– Были такие, – подумав, покивал служка. – Недавно вот съехали. Охляби, гостя туровского, приказчики. Меха сговаривались покупать – за тем и приехали.

Приказчики туровского купца Охляби... Гм... Вряд ли, конечно, они правду сказали, но...

– Еще сани они здесь оставили... К обозу налегке, на лыжах пошли, – вспомнил приказчик.

– Сани? – насторожился сотник. – Какие сани? Кому оставили? Что за лошади были?

Судя по рассказу, сани вполне походили на те, что засветились при подставе Михайлы. Оставили их двум парням – лошаднякам, они как раз и купили двух каурых лошадок. Покупку здесь же, в корчме и обмыли, но не шумно, и вообще вели себя скромно, не буйствовали.

– И когда ж они съехали?

– Да третьего дня, поутру. Раненько так. Как раз у нас обоз отправлялся.

– На Туров?

– Ну да. Тиун княжий с полюдья, с ним и торговцы.

А вот тиуна можно и расспросить! Что там за парни на быстрых санях? Но это позже, в Турове... Кстати, надо бы послать гонца. К старому покровителю, боярину Аникею, к Ставрогину, дознавателю князьему... Вот интересно, всерьез он крутил с Костомарой? Было меж ними что? Ну а если и было, так и что с того-то?

Не откладывая дело в долгий ящик, сотник послал гонца сразу же, как только вернулся обратно в свою «канцелярию». Тут же написал письмо – гусиным пером, на бумаге, не на бересте накарябал, а со всем уважением.

«Господину Артемию Лукичу сыну, Ставрогину, с почтеньем Михайла-сотник челом бьет...»

И после всех положенных приветствий шла вполне конкретная просьба: проверить недавний туровский обоз и «повоз» княжеского тиуна, да, по возможности, выявить примкнувших к ним в Ратном парней... или мужиков. И, буде таковые будут выявлены, допросить на предмет причастности к... Тут Миша расписал все в подробностях. Даже приложил протоколы осмотра и сослался на свидетелей – видоков.

Поручать такое письмо абы кому не стал, вызвал к себе верного человека – рыжего Велимудра, Вельку то есть.

Тот явился тотчас же, вытянулся на пороге:

– Урядник Велимудр по вашему приказанию прибыл!

Повзрослел рыжий, вытянулся. Сколько ему сейчас? Четырнадцать? Почти пятнадцать уже. Юноша! Воин. Один из самых преданных людей. А ведь родом с Нинеиной веси... С Велесовой жрицей Нинеей же до сих пор отношения странные. Как и с правнучкой ее, Красавой... Давно что-то в гости не захаживала... Опасается Юльки? Вот уж это вряд ли, Красава – та еще оторва! Замуж бы ее отдать...

– Вот что, Велимудр, завтра поутру – обоз. Поедешь в Туров.

– С обозниками или своим конем? – уточнил отрок.

Поумнел парень! Дури-то с возрастом поубавилось – поди, уж за девками на реке не подглядывает... Сотник спрятал улыбку:

– С обозными. Так внимания к тебе меньше. Будут что спрашивать – мол, послан от мастерских, договориться насчет медного уклада.

«Укладом» называлась несколько раз прокованная крица с большим содержанием металла. Своей меди на Руси не было, из Европы везли, чаще всего – из Швеции.

– На самом деле – вот тебе письмо. Передашь тайно Ставрогину... Ну, ты его знаешь. Все понял? Тогда ступай. Серебришка на дорогу возьмишь у Ильи, под роспись. Я приказал – он знает. Удачи!

Отрок снова вытянулся...

– Да, Илье скажи – пусть дружка твоего, Ермила, поторопит... Скажи – жду.

Ермил явился вечером. Постучав, возник на пороге, вытянулся, как вот недавно Велька...

– Урядник Ермил прибыл! Сотник принял парня по-дружески:

– Садись, отроче. Чего жмешься?

– Да я... не один, господине... – не садясь, парень как-то смущенно покрутил в руках шапку.

– Не один?.. – вскинул глаза Михайла. – Это кто ж там в сенях мерзнет?

– Войша, господине... Девица Добровоя!

Высокий, худощавый, смуглый, с длинными черными локонами и пробивавшимся пушком над верхней губой, Ермил сильно походил на ромея и очень нравился девам. Вся девичья школа на него засматривалась! Однако парень верен был одной – Добровое.

– Ну, зови девицу-то, зови! Чай, не чужая.

Так вот, втроем, и сели за стол. Выглянув в двери, сотник тотчас послал служку в столовую, за легкой закуской... Хмыкнув, оглядел ребят:

– Ну, Ермиле, докладывай! Что там самострел, что Вячко? Земля ему пухом...

– Самострел, господине, сноровку на тропу направили! Повернули как раз на лыжню. Незадолго до того, как Вячко...

– Понял тебя... Значит, и здесь не случайность... – Миша посмурнел лицом. Уточнил: – Ты сказал – направили?

– По следам – их двое было. На лыжах – снег-то в лесу сильно все не замел. А у реки, под кручей, их сани ждали. Сани те на выселках видели... и двоих мужиков. Мужики как мужики: бороды, шапки, овчины.

А сани – приметные! Почти такие же, как у твоей матушки, господине.

– Та-ак... Войша! Ты тоже что-то имеешь сказать?

– В яму я угодила, господин сотник. Не Ермил бы – замерзла б, – поправив волосы, девушка с благодарностью взглянула на парня. – Он песню мою услышал...

– Я как раз мимо, дознание вести по самострелу...

– Так что с ямой?

– Старая, – махнула рукой дева. – Коляя гнилые все... Слава богу! Однако глубокая, да еще снег. Говорю ж, не Ермил бы – не выбралась. И, главное, кто-то туда лыжню спроворил... Мыслью – к лыжам веревки привязал да протащил... Со стороны-то и видно – будто проезжено. Вот я и...

– И там тоже парней на санях видели... – со вздохом продолжив, Михайла вскинул глаза. – Иль не так?

– Так, господин сотник. Видели! Список видоков есть.

– Добро. Библиотеку тебе хотел поручить...

Ермил вдруг улыбнулся:

– Так уж глянул! Ну все одно зашел уж... Заодно и... – парень вдруг стал серьезным. – Следы там, от кусточков... И крыша не сама собой прохудилась! Дранку поддели, пробили чем-то... Рогатиной или большим ножом...

По библиотеке Ермилу велено было продолжать, выяснять, кто проломил крышу? Преступление, конечно, не ахти... так, скорей, пакость. Но, с другой стороны, ничего себе пакость! Промокшие-то книги денег стоили немалых.

Добровая тоже получила задание – поспрошать по Ирине-Добромيره, точно ли сама дева в проруби оказалась... или, может, помог кто? Девчонке-то сплетни собирать куда легче, нежели тому же Ермилу или Вельке.

С докладами оба явились уже через пару дней, опять туда же – в «канцелярию». Ермил опросил всех, кто мог хоть что-то увидеть... Видели! Пареньки мелкие играли в «чижа», бегали по сугробам – видали у библиотеки сани, а в них – двух незнакомцев. И сани-то стояли вовсе не у входа, не у крыльца, а дальше, с торца, в кусточках. Как раз под вечер дело было, в сумерках. Лезли ли незнакомцы на крышу? Этого ребята не видели – убежали, так как снег мокрый повалил, а затем и дождь, ливень!

– Думаю, они это. Те самые, – упрямо склонил голову Ермил. – Присмотрелись, дождались темноты и... Долго ли? Тем более и ливень уже начался.

– Ясно, – сотник самолично разлил по кружкам горячий сбитень. – Утощайтесь! Берите, вон, пироги – вкусные... Ну, а ты, Добровая? По глазам вижу – есть, что сказать. И вести, как всегда, недобрые.

– Недобрые, – согласно кивнула дева. – Что уж тут говорить...

Компания девочек-малолеток как раз с горки шли – катались. Одна из них – лет шести от роду – видела, как «большая дева» баловалась с каким-то парнем. Как выразилась девочка, «жимкались», смеялись, а потом парень эту деву толкнул на ледянку. И сам – следом туда же. Вместе с горы и покатались, поехали! К проруби...

Что за парень – девочка сказать не могла, как и про девицу. Для шестилетних все, кто старше семи-восьми годков, люди совершенно неинтересные.

Прорубь...

Судя по всему, именно тогда Ирина и оказалась в проруби! Что ж ее ухажер не спас, не протянул руку? Да и сама-то девчонка почему выбраться не сумела? Ловкая, здоровая, молодая?

– Я от проруби-то еще дальше пошла... – тихо сообщила Добровоя. – Там – след санный. А сажень в десяти в сугроб что-то выброшено... Посмотрела... Палка – тяжелая, с коричневыми пятнами! Очень похоже на кровь! Вот и думаю – не этой ли палкой Ирину и угостили? – С этими словами Войша потянулась к брошенной на лавку котомке и вытащила оттуда небольшую увесистую дубинку.

– Таким рыбу обычно...

– Ну да, – внимательно осмотрев предполагаемое орудие убийства, сотник мрачно насутился и сдвинул брови. – Вот от чего у нее рана на голове! Очень может быть, очень... Значит, все же пыталась выбраться дева. Не дали! Палкой по голове оглоушили, словно сома или щуку... Однако почему дубинка? А, скажем, не кистень? Кистень-то, считай, почти у каждого есть. И спрятать его легче.

– От кистеня рана другая, – пригладила волосы Добровоя. – Дубинкой можно и не в полную силу ударить, с кистенем же куда труднее так рассчитать. Ударили б кистенем, сразу б и видно – удар! А тут... вроде бы как и сама упала...

– Все так, – Миша покусал губу. – Опять под несчастный случай сработали... с-суки. Кстати сказать, и здесь – сани... И у мастерских незадолго до пожара тоже сани видели. И чужих парней! Ладно... может, из Турова подбробнее вести поступят...

Выпроводив гостей, сотник уселся в любимое полукресло и, вытянув ноги, принялся разговаривать сам с собой – думать.

«Ну, что скажете, сэра Майкл? Что имеем? Классическую диверсию против установленного порядка управления! А всякая диверсия должна иметь тактическую и стратегическую цель. Стратегическая цель – запугать, ослабить, тактическая же – вполне конкретная. В данном конкретном месте устроить конкретную пакость. Что мы и видим! И что теперь делать? Да ясно – что... Вычислить всех причастных и строго наказать! Иначе сочтут слабыми. Нападут. Сделают все, чтоб убить. Такие уж тут времена... мрачные, лихие... Да, есть закон – “Русская Правда”, но по сути – кто сильнее, тот и прав. Власть и есть закон. Закон сильного да подлого... волчий».

Именно об этом и говорил Миша с Кузнечиком, с Тимофеем, Тимкой, отроком из далекого будущего, ранее проживавшим в землях сгинувшего боярина Сан Саныча Журавля (тоже нашего современника). Оклемавшийся после отравления угарным газом Тимка ночевал у Михайлы. Не планировал, правда, на ночь оставаться, просто заглянул вечерком... да беседа и затянулась. А потом уж куда на ночь-то глядя идти?

Тимофей припомнил, что Сан Саныч имел тайные связи с младшим братом киевского – главного – князя Мстилава, Юрием (будущим Долгоруким) и предлагал тому свою помощь в деле сохранения единства русских земель в будущем. Однако князь Юрий высокомерно отказался от помощи, не хотел быть кому-то обязанным, сам думал стать во главе всех русских земель, плел интриги и копил силы.

– Для него, Миш, не только ратнинцы, но и «журавли» – возможные соперники, с которыми держать надобно ухо остро и вредить по возможности.

Там, в будущем, Кузнечик – Димке – было девятнадцать лет, и он стремительно умирал от саркомы. Здесь же Тимофею недавно стукнуло четырнадцать, по меркам Средневековья – вполне уже взрослый парень. Правда, выглядел Тимка совершенно по-детски... в отличие от осанистого заматеревшего Миши.

Зато как мозги работали! Много чего Кузнечик уже придумал: и станки, и прицелы, и всякие прочие приспособы... Так сказать, явил собой чудо инженерной мысли в Средние века!

– Я вот так думаю, князь Юрий от нас не отстанет, – потягивая сбитень, негромко промолвил Тимофей. – Потому что себе на уме. Умный, коварный, хитрый! Зря Сан Саныч Журавль на него ставку делал и много чего лишнего рассказал! Юрий и запомнил – сила неведомая зреет в землях Журавля и вот, в Ратном. Неведомая, а потому – опасная. А то, что опасно, должно быть уничтожено. И тут уж без особой разницы, когда эта опасность возникнет – сейчас или в будущем. Надо, чтобы ее вообще не было. Ничего непонятного, неведомого... Все уничтожить... и всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.